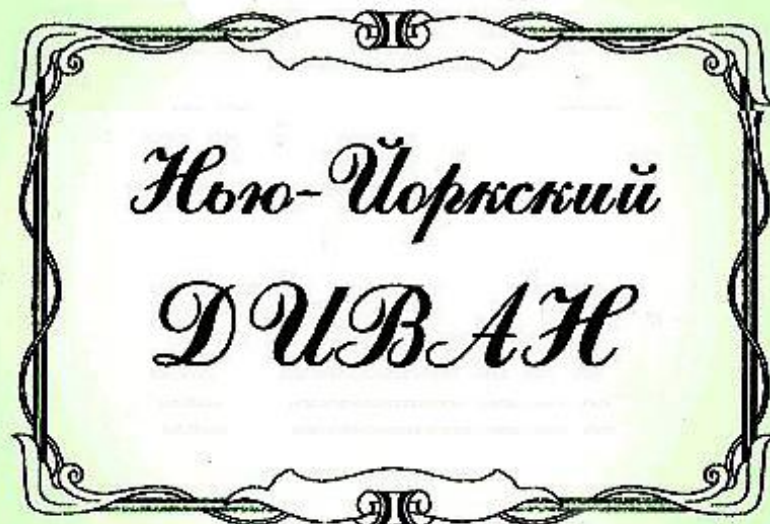

Павел Шуф

New York, 1995

© Павел Шуф, 1995

All right reserved

ISBN: 1-881-910-22-9

"The Russian Writers Club"

New York, 1995

Printed in the United States of America

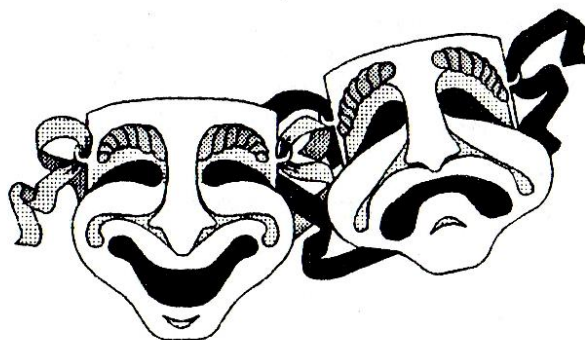
Павел Шуф

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ДИВАН

СТРОФЫ, ПОЭМЫ
БУРЛЕСК, ПОПЫТКА ДАСТАНА
БУКЕТ СОНЕТОВ
"ПРЯМОЙ РЕПОРТАЖ (плясовая кантата)"
"СОН РАЗУМА" адептов Франсиско Гойи

* * *

В оформлении произведений "Прямой репортаж, или Ферганинская-1989 " и "Сон разума, или избранные офорты в коллекцию г-на Фрейда" использованы офорты Франсиско Гойи из цикла "Капричос" (1799)

Свой поэтический азийский "ДИВАН" ташкентец Павел Шуф подарил читателям и Америке ещё в 1995-м - вскоре после эмиграции. "Нью-Йоркский ДИВАН" - первая книга автора в США и пилотная, открывшая его сериал "Империя шуфств" (сейчас готовится к изданию 14-я книга). Ныне "Нью-Йоркский ДИВАН" впервые приходит к читателю и в электронной версии. Практически все произведения "ДИВАНА" навеяны пряными азийским аллюзиями. Книга и сегодня свежа, дышит подлинными чувствами, актуальна, содержит вневременной и зачастую непредсказуемый контент, а также незаёмный лиризм и ориентальный колорит. Ранее (в советские годы) известный как детский писатель, Павел Шуф начал удивлять и взрослых читателей, подарив им эту свою пилотную книгу сериала. Сериала, в котором читателя ожидает океан афоризмов, озорных стихов, поэм, бурлесков, венков сонетов и джатак. Словом, читатель, даже если ты - гончаровский гедонист Илья Обломов, не сползающий с пресловутого дивана, не поленись полистать "ДИВАН" Павла Шуфа.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная молитва «ДИВАН»-беги, или Попытка предисловия
К вопросу о подзаголовке

ИНТИМНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Без шкуры
Проект гнезда в «Энциклопедию советской цивилизации»
Уравнение с тремя неизвестными
Вышли мы все из сосуда
Какого?.. *(поэма)*
На посошок
Тезаурус беженца *(веточка в венок Фету)*
Господин Египет
Мой Арал
Житуха № 2
Полёт
Глубоко в SHOPe
Находка в Дискаунте
Баллада о мешках
«Худо хохласа»
Ракс в сабвее
Хандаляк
Привет Матчизны
Не лепо ли ны бяшет?
Зоо-тест
Ab ovo
На багет
Допечатка тиража
"Взвейтесь кастратами!.." *(первые уроки)*
Встречные вопросы Шлее
Рассказ весёлого полотёра
Охота к перемене этажей
Лапа старого русского
"В Америке не..." *(первые уроки)*
Протокол внутрисемейного допроса...
Рассказ антидарвиниста
Самогон
Я — узбек
Is Out Of
Blah-Blah-Blah

Ай-Ди
May I help you?
Таков...

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Час клопа, или Венок дорожных знаков (*букет сонетов*)
Прямой репортаж, или Ферганинская-1989 (*поэма*)

КВОТА ДЛЯ МЕДЖНУНА (*Мой голос Америки*)

Голоса
Туксон беш (*попытка Мунажот*)
Кришнаиты на Бродвее, или Реинкарнация (*попытка Мантры*)
Кундалини
Квота для Меджнуна
Эволюция жанра
Убийца из Чуста
Мизеркордия
Случай сеньора Банденелли
Опыт
На Манхеттен-Бич
Дуализм
Бинго
Орлёнок-92
"На Ваш исходящий..."
Чуб
Ребейят (*омары*)
Исирик
Аллюзии
Танки на Бродвее (*попытка быть навеселе*)
Хорошо сидим...
«Джидовский морда» (*попытка дастана*)
Пра-пра-правнучка Пушкина, или Как я был заикой (*попытка дастана*)
Искусство естественного отпора, или Упреждающие редакторские
ремарки на невозделанных полях частного письма (*попытка дуэли*)

СОН РАЗУМА, или ИЗБРАННЫЕ ОФОРТЫ В КОЛЛЕКЦИЮ Г-НА ФРЕЙДА

Мелкий космос
Лаок-ООН

Ковчег «Герасим»
Чудище, обло, озорно...
Лот Лота
Полёт Ксантиппы
Сонет про Нос
Везувиада
Армия Спасения
Конец начала
Заднее число, или Эхо колбасы
Закрытый перелом судьбы
Калям от Бенкендорфа
Джеймс ибн Бонд
На подножке
Хитрый автобус

КУННИЛИНГВИСТИКА (Поэма-бурлеск)

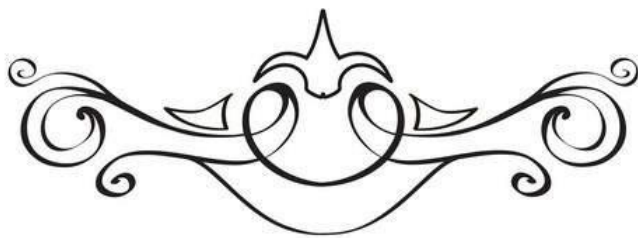
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА «ДИВАН»-БЕГИ, или Попытка предисловия

Велик Нью-Йорк — вертеп любви и свар...
Так помоги ж, Аллах, тебя прости —
Не получить по шее гонорар,
С «Дивана», как Обломов, не сойти,
Кишит золой мой прежний магазин,
Сожжён товар... И, разогрев главу,
Как на Empire State Building муэдзин,
Творю Азан*: себя к себе зову.
В слепящей мгле над бездною завис:
Заглянут ли в восточный мой дуكان?
Уважьте, сэр! Прошу на шоппинг, мисс,
Пощупайте: он мягок — мой «Диван»:
Присядьте — перед вами гнусь в дугу.

Потом по стритам понесут пути.
На сэйле лжи впервые не солгу —
Чтоб мне с «Дивана» вечность не сойти!
Рулите, сэр! Засыпал я обрыв.
А может, ваша спутница права,
Кивнув на Небоскрёб — на мой призыв:
Похоже, он совсем сошёл с «Дива...»
Огней бежит по стритам караван,
Летят в «Тойотах» — славно погудеть.
Готов Обломов уступить «Диван»...
(Велик диван. Да не с кем посидеть.)

1992

* Азан — призыв на молитву.

К ВОПРОСУ О ПОДЗАГОЛОВКЕ

*(4 декабря 1762 г. императрица Екатерина II подписала
человеколюбивый Манифест: "О дозволении иностранцам,
кроме жидов, выходить и селиться в России")*

Господа!
Шурпа баранья!..
Газолин восточных лоз!..
Словом — Полное Собрание
Рассмешивших душу слёз.
Вот вам спевка Арка с Пресли*,
Най в объятиях кимвал...
Эти бейты, эти песни
Я от сердца оторвал.

...Мчу в края хмельных фисташек,
Где концерт свой просвистел,
Где был жарен как барашек,
На углях и слов, и тел,
Где, тахту топча задами,
Наливая до краёв,
Очень ласково

"жидами"

Величали воробьев,
Где им крылья бередили,
И, покамест клюв не сник,
Аж с рогатками ходили,
Как на шатуна лесник.
Где я в паспорт был закован,
Где плотва любых глубин
На жида таращит слово,
Как в Пекине хунвейбин...
По-пластунски бросив клетку,
Пал туманом на привал...
Я ведь и себя, как ветку,
Отломил и оторвал.
У укатанного сивки
Есть в активе две вдовы —
Завершённые отрывки
Недописанной главы.
Най, пропой скорее средство —
Род подковки для блохи:
Как на рваной культе сердца
Снова вырастить стихи?
Натерев мозоль на глянце,
Я бы тряс стихов палас,
Чтоб мои протуберанцы
Опалить могли и вас.
Горько здесь я
и случайно,
Нахохлился как скирда...

Не видал в Нью-Йорке майны,
(Но и не слышал "жида").

* Арк — цитадель Бухарского Эмирата.

ИНТИМНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

БЕЗ ШКУРЫ

Не ликовал...

Не хлопал сдуру...

Не жрал деликатес блесны,
Когда с меня сдирали шкуру
Моей завшивленной страны.
Послед летального исхода,
Мы оптом рождены взашей...
Как в шкуре керосина много,
Как много в ней голодных вшей.
Взалкав ведром озон кирять,
От резвой прыти шумно лопнув,
Зажглись — берлоги разорять,
Медведя общего прихлопнув.
Вина — не тёлка, чтоб валить...
Куда податься укоризне?
Ликуйте без меня — делить
Меха убитой вами жизни.

...Ночами дервиш-дух летает
В краю, куда меня метёт,
Где курс любви, как глетчер, тает,
Стремглав рак доллара растёт.
Я глупо сбит как «БОИНГ» — ПТУРСом..
И, строя прошлому козу,
Благогниющим свежим курсом —
Ползу.

ПРОЕКТ ГНЕЗДА В «ЭНЦИКЛОПЕДИЮ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

*«Сделать ноги — вовремя удрать «за бугор»,
прихватив уворованное добро.
(Из советского новояза)*

Оставив ветхие чертоги,
Где алчный век меня пытал,
Я из России сделал ноги,
Презрев содеять капитал.
Привычной зыби ход порушен...
И вняв — как Кант — вещам в себе,
Я из России сделал уши,
Услышав крен её к пальбе.
Набив баул роскошным перцем,
Чтобы без плова не скучать,
Я сделал из России сердце,
Не став с ней в унисон стучать.
Себе себя сдав на поруки,
И просолив глазницы всласть,
Я сделал из России руки:
Взял над судьбой своею власть.

(...С поры библейской та же драма —
Экспроприация добра:
Ребро Бог сделал из Адама,
Чтоб Еву сделать из ребра.)

«Всё суета!» — хохочут боги,
Смешно почёсывая лбы:
«Ты сделал “БОИНГ”, а не ноги,
Жизнь воздымая на дыбы».
Не будь дурак — тут и спроси я:
"Как... ЭТО... Родина... Смогла?.." —

...Содеяв из себя Россию,
Когда она к другим ушла.

УРАВНЕНИЕ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

*(Заполняя в Офисе Анкету, я ударил по тормозам перед вопросом:
«Из какой страны прибыли в США?»*

*- Обведите FSU! — подсказал опытный клерк: для него, похоже, была
привычной заминка очередного Russian.*

- Что еще за ФЗУ? — вспыхнул я.

- Former Soviet Union... Бифши Савецки Саюс...)

Сочту за свою... За её ли вину?.. —

Три буквы меня повязали:

В упор не узнал я родную страну,

Когда мне её показали.

Вмиг клерк равнодушный (обыденный здесь),

Дивясь одичанью натуры,

Смекнул, что я прибыл из Поля Чудес —

Из глупой Аббревиатуры.

Обвёл я три буквы, улыбку креня —

Как выпил водицы в сортире...

...Ну вот — на три буквы сослали меня

Из края, где было четыре.

В башку ядовитые вести сую,

Кураре для новоприбывших:

Когда моя Родина — лишь FSU,

Выходит, и сам я из бывших?..

Почти ФЗУ — как там ни куролесь,

Чертей жаря паникадиллом!

Я вновь, как мой дед-фабзайчонок...

(А здесь —

Фаб-волки и фаб-крокодилы!)

...Я брёл по Анкете... Ответы сминал...

Давал показанья увечно...

Родную страну впопыхах не узнал —

Знать, жить неопознанной вечно.

Октябрь 1992

ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ СОСУДА...

(Похищая либо скупая детей, компрачикосы уродовали их тела, придавая им причудливые формы. Потом несчастных продавали, чтобы забавлять сытых).

Войдя в сосудовы чертоги,
Я стал скрипучее карги —
Вмиг в тесноте заныли ноги
И мрачно затекли мозги.
...Я задаю себе вопросы —
(Считайте — в рамках точки ляс):
Зачем меня компрачикосы
Украсть решили лишь сейчас?
Век бы не видел эти рожи,
Век бы не слышал имена...
Быть может, я сейчас дороже,
Чем в дни, когда была цена?
Дня жаркий леденец сосу
да —

Не тянет лечь щенком к ноге,
Приняв параметры сосуда,
Не амфоры, а — СНГ.
Компрачикосы вновь при деле,
Как Фауст вечно при Гуно:
Ясонным царством овладели —
В раздрай уволокли руно.
Руно — безгласо... не визжало...
(А визг — хотя бы извинил!..)

Быть может, плохо ты лежало,
Быть может, плохо я хранил?

Компрачикосы нас ломают,
Как ветер — голову гумна...
Жизнь у деревьев отнимают,
А не у хладного бревна.
Они сильны как в спичах Брежнев,
Их аргумент — на потолке.
Вовсю гудят в углу медвежьем,
Как прежде — в красном уголке.
Я бью челом к отцам подлога.

Что холод ткут, а не вигонь:
"Зачем проветривать берлогу,
Открыв не окна, а огонь?"
Мой сад не мною был порушен,
Но вышел из меня народ...

Случалось мне летально душно,
Но ныне — умер кислород.

1992

КАКОГО?..

(поэма)

Многоходовая матовая комбинация — заочный бюллетень к итогам очередного «судьбоносного» референдума. Как обычно — все начинают и проигрывают...

Своеобразие момента:
Я жив-здоров, и сыт вполне.
Но вот беда: Какого Цента
Копейкой брежу я во сне?

Прощай, самса! Подкралась пицца,
Жую на Бруклинском мосту...
Скажи, Марк Твен: Какого Принца
Мою украли нищету?

Дрожа от вешнего загула,
В нас тыча зубы — как в еду,
Страна границы расстегнула,
Чтоб справить малую... вражду.

Кончаясь страстно и сурово,
И бурно воздымая ТАСС,
Сюда Везувия какого —
Так мощно вдруг извергла нас?
Теперь чубы держите, паны —
Вновь хлопцы лаву развели...
Затем ли, чтоб иновулканы
От корчей этих понесли?

Угробив дёготь ложкой мёда,
Бубнят, что бедность не порок.
Какого дня? Какого Года
Ты вздыблен был, беды курок?

Откуда вспухла метастаза,
Где подхватила мрак страна?
В толк не возьму — Какого Глаза
Собой ослеплена она?

Питаясь от Святого Духа,
Всегда готов — как скаут я —
Но, Господа, Какого Уха
Оглохла Родина моя?

Вновь фарс из урн мигает косо:
Мол, будет сытно... Демос, жди!..
Но вот вопрос: Какого Носа
Сопливо шмыгают вожди?

Вновь голос в урну положу я?
Увольте: урной сыт вполне...
Какого, извините, Жуя
Жевать упразднено в стране?

Молчали мы.
Гудели боссы.
Страны хайвей трусил в кювет...
И вот — проклятые вопросы
Проклятым сделали ответ.

«Титаник» вновь раздавлен грубо —
В разгар жары сковали льды.
На мостике!.. Какого Зуба
Не раскусили вы беды?

Ужели труп врачуют розги?
(В тузах шестёрки. В бубнах — пик...)
Какого Лба?.. Какого Мозга
Плетут извилины тупик?

Сбежали мысли — чисто гаммы,
Арестовала хвост шлея.
Куда пилить? Какого БАМа
Погасла в тине колея?

Летит страна — сменить гражданство,
И вот — трудов архивенец:
Аж сексуальное пространство
Единым стало, наконец!

На тощих гражданах жируя,
Трясут просторы как кровать,
И спасу нет...
Какого Руя
Диаса* на подмогу звать?

В глубоком вакууме гребу я,
Заместо лодки сев в суму.
Герасим! Брат!.. Какого Буя
Нас плавать учат, как Муму?

Но сам себя досадой злю я,
Пришёл кузнец-слова ковать:
Пора смекнуть —
какого Луя
В Парижах в козыри позвать.

Бугры ушли — как в лес пантеры,
Себя в Монбланы упекли...
Но всё-таки: Какого Сэра
Их господами нарекли?

Кипит толпа...
Бушует пена...
Опара вздыблена молвы:
Ах, красные? Какого Члена
От партии отбили вы!

Я ж укрощён интригой корта,
Реанимирую клише.
Но не пойму: Какого Торта
Не слаще стало на душе?

Мы — лава... Прах... Источник туфа.
Везувий — ростом с колбасу...
(Куда?.. Кому?.. Какого Шуфа
Сей бюллетень в зубах несущу?)

Спустив судьбу и тормоза,
Всё обратив в сырьё для рента,
Таз (водки!) воздымаю —
за
Своеобразие момента,
За брошенные мною шейки —
(Чьи трупы
миг в расчёт не брал...)

Страну — последнюю копейку! —
Смеясь, юродивый украл.
Вернут ли?..
Буду ли раскован?..
В каком году?..
Числа... какого?..

1992, ноябрь

** Руй Диас — герой испанской эпической поэмы 12-го века «Песнь о моём Сиде». Великий заступник за народ.*

(Через неделю после написания поэма "Какого?.." была опубликована в знаменитом американском журнале-еженедельнике "Калейдоскоп", издатель которого доктор философии Альфред Тульчинский удостоен этой степени за многолетнюю разработку в своем журнале темы "Психология выживания человека с советской ментальностью в условиях Запада".)

НА ПОСОШОК

В сверх-Ойкумене бред мой догорает,
Разведены все сущие мосты...
С хмельных постов судьба меня сдирает,
Отняв и кресло,
 где царила Ты.

Ищу ответ на жгучую задачу,
В себя гляжу – себя не узнаю.
В дно зеркала лицо от мыслей прячу,
Но горечи себя и подаю.

...Судьба,
 даруя путь хмельной иль крестный,
Круша мосты, – не осуши до дна:
Оставь на посошок
 хотя бы кресло –
То, где царила надо мной
 Она.

ТЕЗАУРУС БЕЖЕНЦА (Веточка в венок Фету)

Рок...
Объятия "Найаны"
Жизнь без КГБ.
Шок под небом иностранным,
Где — ни "МЕ", ни "БЕ".
На работу упование.
Сон в сабвее. Темп.
В спину — велфэра дыхание.
И — фудстемп!.. Фудстемп!..
Супермаркет.
Брайтон.
Пицца.
Сочный shish-kebab.
На глазах светлеют лица,
Спеют шишки баб.
Разом сорванные шоры,
Писем сладкий яд.

(...Сказкою наполнить взоры,
И — назад!.. Назад!..)

Гарбич. Интервью. Усталость.
Ворох резюме.
"БЕ" уже усвоил малость,
И штурмую "МЕ".
Свой черёд "дерьма нажраться",
До утра корпеть.
Стиснуть... Завязать влюбляться...
И — терпеть... Терпеть...

ГОСПОДИН ЕГИПЕТ (Повесть о Вечном Исходе)

На толкучке продав путь,
Тропку взяв на сдачу,
Лоб готовлю — Стены пнуть —
Хохота и Плача.
Дятлом жил — слова долбя.
И цедя — как цапля.
Но из Нила я себя
Выдавил по капле.
Вяло думалось — труба.
Не достанет прыти...
Усмехнулась мне судьба —
Из Египта выйти.
Не вернуть бутылку вспять,
Яд бездонный выпит...
Но меня, раба, опять
Тянет в мой Египет.
Из гнезда не взял всего...
В нём осталась Птица —
Ты —
Египта моего.
Тайная Столица.
Свежую отрыв нору,
Жив магнитом странным —
Вновь ласкать Твою Жару
Целовать барханы...

Мной в окопах тайных войн
Нил надежды выпит.
Из Египта выйдя вон —
Впал в другой Египет.
Стал спокоен я вполне.
И покоем взвинчен:
Знаю я — в какой стране
Мой Египет нынче.
Кровь бессонная в виски
Тик морзянки сыплет:
Из тисков ушёл в пески
Господин Египет.

МОЙ АРАЛ

Видишь, я с тобою снова —
Будто не удрал:
У меня плохая новость —
Умер мой Арал.
Он мне — брат, что хлопнул дверью,
И пошла волна...

Но цифирь какого Зверя
Поднялась со дна?
Я возвёл себя на дыбу
Этого Числа,
Уходя дорогой Рыбы,
Что к воде ушла.
Дрожью вод связались руки,
Берег стал нагой...
Кем я был?..
Сердитой щукой,
Крупной мелюзгой,
Иль открытым текстом пасти,
Вольный как вассал,
Лишь ночами был зубастым —
Сам себя кусал?
Иль, фехтуя гильотиной
С сонмами братвы,
Плыл величественной тиной —
Жрачкою плотвы?

Море распахнуло двери,
И, верша рапид,
Бросило себя на берег —
Словно пьяный кит.
Самосуд оно свершило,
Воды истребя.
Задушило...
 Задушило...
Без вины... Себя...
Грянула дурная сила,
Пали стены вод.
Мой народ ты отпустило,
Стиснув свой народ.

Тяпнув по глотку свободы,
Утолили прыть.
Мы сошли...
 Вернитесь, воды —
Море хочет пить!..
Мне отныне вечной крысой
Пульс грызёт висок:
Не затем Арал ли высох,
Чтоб и я утёк?
В мелководье снов шныряю,
В стол швыряю трал —
От плотвы обороняю
Будущий Арал.

Прянув в клетку — из кутузки,
Ем банан с икрой.
Я теперь в Нью-Йорке русский,
Но — узбек порой.
Стих...
Но стих девятым валом,
Кровью на губе...
Стать бы для тебя Аралом:
Пропустить к себе.
Я познал:
 И море тленно,
И мягка скала...

Расступаюсь —
 чтоб из плена
Ты уйти смогла.
И глаголы вод спрягаю,
И склоняю трал...
...Накати же весть благая:
Грянул Мой арал.

1992, ноябрь

ЖИТУХА № 2 –
при содействии в сносках в виде кальки инструментария
Владимира И. Даля

*(Перед отъездом из Ташкента я услышал приговор Лейлы:
«Счастливчик! Тебе суждено прожить две разные жизни»).*

1.

Талон посадочный в руке...
В баулы бодрый дух пристроен...
На иноземном языке
В полет зовет Аника-«Боинг».
Себя неистово круша,
Плюя на все, чего схотела,
И трапным запахом дыша,
Сошла
 душа
 в иное
 тело.
Слегка кружилась голова,
В ушах мычало...
Вот так житуха номер два
Брала начало.

2.

...Я нынче – сэр, а не кяфир [1]...
Но бесится мой голод с жиру:
Зачем, родимый мой тандыр [2],
Во мне испёк ты пассажира?

Уйми свой жар,
спали дурман,
Услышь, от нежности зверея,
Что даже закусон – лагман [3] –
Звучит фамилией еврея.
Признайся, правды не тая,
Коль от меня теперь свободен:
Да разве я – гузапая [4],
Лишь в виде топлива пригоден?
Ответь без вывертов и врак
(Готов я в ухо обратиться):
Неужто круглый я курак [5] –
Без права
ватой распуститься?
Бреду с вопросом, как с сумой, –
Тузом одетая шестерка:
Зачем тебе, чтоб хлопок мой
Сметён был на хирман [6]
Нью-Йорка?..

...На Брайтоне тандыров нет,
Но тьма шашлычных на асфальте.
В пепси-прозрачном Мак-Дональдсе
Стаканам делают минет.
Я по тандыру правлю тризну
Жратвой походно-полевой,
Струя слезу
в усы –
как в признак
Мужской.
Вторичный.
Половой...

Сентябрь, 1992

**Толковый мини-словарь Живаго Великоузбекского языка:*

- 1) Кяфир – у мусульман одно из названий иноплеменников, «неверных».
- 2) Тандыр – на Востоке глиняная печь для выпечки лепешек, самсы.
- 3) Лагман – густой суп с бесконечной лапшой.
- 4) Гузапая – стебель хлопчатника, служит топливом.
- 5) Курак – нераскрывшаяся коробочка хлопка.
- 6) Хирман – место складирования собранного хлопка

ПОЛЁТ

Старинному другу Михаилу Чарному, подарившему мне на дорожку часы "Полёт"

...И стало до озноба горячо,
И крика тишины уже не слышал...
Ручную кладь повесил на плечо,
Упал на трап — и в дальний Космос вышел.
Взвыл керосин.

И взоры замело
Опилками молчания и гула.
И "Боинга" толчковое крыло,
Лягнув бетон, в туманах утонуло.
Как больно я ударился... (В бега...) —
Мяч погнала безудержная свара.
Незримая толчковая нога
Пронзила мною ровно пол-земшара.
Не поделили сердце берега —
Мой анкер колеёю прежней бродит,
Неверная толчковая нога
До ручки даже голову доводит.
Да полноте: неужто так со мной?..
(А мнилось — взят судьбою на заметку.)
Я — глупый мяч, слепой удар штрафной,
Я — гол, что был забит в чужую сетку?
Пред Океаном гордо гну я спину:
"Не штопай нитью вод насущный брод,
И расшнуруй судьбы толчковый рот —
Спасительную вымолвить пружину..."
Сдана в ломбард голодная вдова.
Пора кормить... Не всё ж соломой пичкать.
В какой тюрьме толчковые слова,
В какой руке толчковая отмычка?
В межбрежье топком гон крови увяз...
Сработай, Лонго, в морге бестолковом —
Верни, колдун, в себя ушедших нас,
Чтоб сердце снова сделалось толчковым.
Ища ответ, себя от жизни спас,
Взвалил на стрелки тягостное бремя:

По ним я узнаю —
 который час,
Как я остановил себя и время.
Как пледом —
 фронтом прикрываясь с тыла,
Бил карту Рая — той, что выдал Ад.
Но что же — Рай?..
 Он худшее, что было
Почти вчера: всю жизнь тому назад.

Как Парки, твой "Полёт" стрижёт века.
Отводит — словно Таль — угрозу мата...
Скрестили рукояти два клинка
На круглолицем ринге циферблата.

... Ужель и мой блиц-пир эпохи мора
Ушел — как бейты Надиры-бегим?*

(Я смерть убил так искренне, так скоро,
Как чёрт не дай убитым быть другим!..)

** Надира Бегим — правительница Кокандского ханстве,
классическая поэтесса трагической судьбы.*

1992

ГЛУБОКО В SHOPe

Я за покупками потопал,
Огнями маркета влеком.
Здесь эмигранты лижут шопу* —
Фудстемпов жадным языком.
Глаза и руки ходят споро,
Раздолье здесь для совбратвы —
Мгновенно слизывают с полок
Телеги пойла и жратвы.

Здесь сыр собратьями зажат,
Здесь всюду головокруженье.
Бараньи головы лежат —
С лица необщим выраженьем.

Над хладом горделиво рея,
Здесь — как Кремля брусчатка — святы,
Торчат булыжники индеек —
Закуска пролетариата.
Она — первейшая идея,
Здесь все о turkey голосят —
Молитвы Богу вознося,
А рту — священную индейку.
Она — пророк Отчизны сей,
Знать, в ней мистическая сила:
Индейка, словно Моисей,
Народ к свободе возносила.
Себя страшась в лесу Нью-Йорке,
За неимением коней —
Я мчу, Абрам-дурак, на ней,
Как бы на Russian Сером Волке.
(Но, чтоб сравненье было точным,
Мчать надлежит с девицей сочной,
А чтоб несло по лесу бойко —
Не повредят ни волк, ни гойка,
Умножит пусть их встречный топ —
Индейки пламенный галоп.)
Какой размах!

Какие темпы!

Все дринки жаждется испытать!..
Но дико чешутся фудстемпы —
Баранью голову купить.
Давно шампур себе кую,
Рубя тоннель в словесном блюде,
Рубал я голову свою,
Себя себе даря на блюде.
Но вас, друзья, почто томить?..
Смолкаю... (В рот меня кормить!)
Ах, turkey!

Как они спасут

Друзей, что в Азии зависли —
Тех, что угрюмо плен сосут
(В голодном переносном смысле!..)
Как вас добыть?
Как вас обнять?
Как поменять в колодце воду?

Как пан-тюркизм ваш поменять
На пан-любовь,
 На пан-свободу?
Средь черни дня и в свете тьмы
Солёные несутся пули —
За то, что мы...
 За то, что мы...
Ослабив вас,
 Сюда рванули.
В моём клубке порвались нитки
А лбы моих баулов узки...
Мои пожитки — и пожидки;
И по-таджидки,
 И — по-русски!
Убив глаза, ищу руки.
Молю, но нету мне ответа...
Я сам нажал на все курки,
И сам окликнул пистолеты.

** Дательный падеж дукана, магазина.*

НАХОДКА В ДИСКАУНТЕ*

Осознайте, гойки-леди,
И евреи с бородой:
Только дурень в Штаты едет
Со своей сковородой.
Ни к чему в баулах каша —
Пища Страшному Суду...

...Я в Нью-Йорке с "Ташсельмаша"
Приобрёл сковороду.

Клич издал — почти победный,
Вспыхнул — хоть водой залей,
Увидав на попе бледной
Дикий лейбл Земли моей.
Не пия неделю водки —
(Не затем, что завязал...),
Попу нежной сковородки
Слёзно я облобызал.

Так дыханьем прислонился,
Так глазами пригубил,
Что на ней почти женился,
Что её уже любил...
Стал хозяин шопа бледен —
Как потомок сов.мещан:
Неприлично бацать петтинг
Неоплаченным вещам!..
Бегло возвращаю сдачу —
Взглядом в скулу заруля:
Мой порыв навзрыд оплачен,
И оплакан до рубля.
Мне она — привет от Зноя,
Что оставил я в беде...
Просто — со своей Страною
Прибыл я к... Сковороде.
Окрылив себя находкой,
Я с добычею бреду...

...Рай встречает сковородкой,
Срубленной в моём Аду.
Пусть она отлита скверно,
Ручка — сущее гнильё...
Трудно Ангелам, наверно,
Жарить Счастье без неё.
И смешон...

И счастлив вроде —
Кассу центами кропить...
Здрасьте, Ваше Сковородье!
Рад стараться — Вас купить!..
Вспыхнул зной,
Мелькнула Киска...
Растворились шоп и рент...

Мне чугунную записку
На Бродвей прислал Ташкент.
Вдруг открылись чакры-вежды
(Вот бы ведать наперёд!) —
Вполцены мои надежды
Он в Нью-Йорке продает.

Шлю друзьям —
по факсу буллу,
Им теперь понять дано:
"Прочь посуду из баула,
Ибо здесь она давно!"
Я провез сквозь Море Гавка —
Брутто пепла и оков.
Но я только гость прилавка,
Барбекю для земляков.
Вы серьгою в ухо вденьте
То, чем я и сам пленён:
Как чугу́н отлит в Ташкенте,
А в Нью-Йорке уценён.

Только душит...
Сводит горло
Недомыслие труда:
Если там — по слухам — голод,
Здесь зачем сковорода?!.
Я страшусь своей находки...
Как оплачу я вину,
Если рад — и сковородке,
Если счастлив — чугу́ну?!.

И слова в отару сбились,
Съёжился надежды гном,
И уже стихи напились
Первобытным чугуном.
Налилось металлом тело,
Праздным весом мысль страша:
Сковородка прилетела...

Тайно спрыгнула — Душа...
Агасфера
оголтело
Избегает без труда,
И в потёмках ищет тело
Скоротечного Жида.
И свои скрывая Лица,
Я молю,
Как труп — воды:

"Разыщи меня, Блудница,
Избежав... Сковороды..."
Шлю ей "SOS...", —
И жив покуда —
Позывной твержу приём:
"Я — Посуда...", "Я — Посуда..."
"Я в "Дискаунте"... "Приём!.."

Октябрь 1992

* *Discount* (англ.) — магазин товаров со сниженной ценой.

БАЛЛАДА О МЕШКАХ

*Перед эмиграцией я подарил зарулившему попрощаться Диме
Дунаевскому шесть тугих мешков любимых раритетов. Мешки были
на крыше... в багажнике... вместо пассажиров... Шестой мешок
доверительно прислонил свой литой зад к шоферской коленке Димы.*

I

Я Кармы выполнил задание —
(С упряницей попробуй сладь!)
Вот я — ходячее закланье...
Вот воплей первое издание...
А вот псевдо-друзья, пираньи...
Вот Жизни Полное Собрание * —
Семья. Баул. Ручная кладь.

II

В чернилах — ком.
И в сердце — кома.
И сам комок на вираже...
И Книги, брошенные дома...
Смешной почёт ЦК... Горкома...
Багаж: Татьяна, Фима, Рома —
Открытый счёт: три веских тома,
Что мной начертаны уже.

III

Храним судьбы дырявой дланью,
Просеян, как в очко струя.
Уета косточка баранья...
Один гарцуя на татами,
Сам для себя стал полем брани...
Ушла недвижимость в преданья,
Лишь подвижностью движем я.

IV

Забавный шарж на пилигрима,
Плыву свой век на облаках.
Обрызган супер-лимузином,
Стеная в письмах муэдзином...
Стал, как Освенцим, нелюдимым...

(... Ты "Избранным" доволен, Дима,
Что уволок в шести мешках?)

V

Читай!

Мне ж — возвращен Застой.
Ну, Мёбиус! Ну, выверт скотский!
(Ах, ёлки-палки, лес густой...
Женат ли выстрел холостой?..)
Спроси Жида!
Мешок шестой...
Пошарь — на дне лежит Потоцкий.

VI

Реку вопрос на посошок —
Стране, что стала нелюдима:
Надолго ль села на горшок?
Для гигиены — дать стишок?
Спеши, Держава: запашок!..
(Ответ в Торе.
Второй мешок.
В обложке чёрной... Сверху, Дима...)

VII

Я Кришне каялся и Раме,
И Мантрой наполнилась башка.
В ней топла — словно Ойстрах в гамме...
В ней мчал — как ныне в Бруклин к маме...
Два акта в персональной драме:
Те шесть мешков перед глазами,
И под глазами... два... мешка.

VIII

Оплакав тайные пирушки,
Затеял моросить стишки.
И вновь пасли меня пастушки —
Делили меж собой. (Простушки!..)
Вновь умирал — почти на Кушке.
В кровь взгляд стирал — почти как Пушкин:
«Прощайте, милые мешки!»

IX

Ах, с головою в вас бы влез —
В молчанку поиграть словами.
Но выгорел мой «Русский лес...»
И — тишь... Не хлынул гром с небес,
Лишь грянул велфэр (их собес)...
(Зато со мною — ЖПС!..**
Как впрочем, видимо, и с вами...)

X

Я отрыдал все посошки.
Но вижу жгучими ночами:
Злой вьюгой взвихрены вершки,
Теряют гумус корешки...
Нет, не сносить ногам башки:
Несёт... несёт страна мешки —
В умах. В зубах. И за плечами.

XI

Не глупо ль: сытою порой
Томлюсь забытою цитатой?..
Я ею б — как коза корой...
Как богом царь... Царём-герой...

Слышь, Дим! Источники открой!

(Цитирую: Мешок второй...
Шестой баул... Контейнер — пятый...)

Октябрь 1992

** ЖПС — Жизни Полное Собрание
(Из научного аппарата баллады).*

«ХУДО ХОХЛАСА»*

Стал Нью-Йорк-воротник нестерпимо тугим,
Сжал ошейник души телеса...
Мне во сне подмигнул друг-начальник Хаким:
«Возвращайся, Худо хохласа...».

...Чай того же разлива сегодня я пью,
Ту же – в мыслях – влеку на лавсит.
Я одною ногой на Анхоре стою,
Над Гудзоном другая висит.

И горчит туксон беш**...
И читаю с листа,
Как уходят во мрак голоса...
Но – иные, горячие молят уста:
«Возвращайся, Худо хохласа!».

Видя призраки дней,
обратившихся в прах,
Я о главном спросил небеса.
И – кивнул... И согласие выдал
Аллах...
И добавил: «Нью-Йорк хохласа...».

* «Худо хохласа» – традиционная формула в исламе: «Если Бог пожелает...», «Дай Господь!».

** Туксон беш – популярный в Средней Азии зеленый чай № 95, гениально и "демисезонно" утоляющий и жажду, и даже зной — летом.

РАКС В САБВЕЕ*

(Попытка вырваться из объятий «Амурских волн» на станции «14 Street» в Манхэттене)

1.

Славно, Амур:
отыскал ты резон —
Волн терренкур
прикатил на Гудзон.
С клавишей нищих
советских кровей
Вальса слезища
скатилась в сабвей.
Славно, приятель,
устроил бузу:
Словно старатель —
качаешь слезу.
Способ испытан,
хоть драги и нет —
В кепки намыты
песчинки монет.
Драга кипит
и терзает виски,
Вальсом намыт
самородок тоски.
...На фиг мне сдался
Амура прибой?..
Я ли расстался
в Ташкенте с тобой?
Ты ли поил
мой хлопковый Сезам,
Ты ли струил
в виноградник бальзам?

Так ли — виляя,
от плова пьяна,
Рёву карная
внимала волна?
Сердце объято
нелепой тоской,
Стал для меня ты...
узбекской рекой:
Мощью играя,
барханы бодал,
В тощий Арал
безнадёжно впадал.
Квотеры гнули
друзья по беде,
Горько тонули —
по кепку — в воде.
Каждый латал
свой дырявый покой,
Каждый считал тебя —
Личной Рекой.
Каждый ведь сдуру
несчастье сковал —
С личным Амуром
слиянье порвал.
(...Срезав три шкуры —
заглажу ль вину?..
Помня Амуры —
амуры ль верну?..)
Нашу вину ли
забудем в бреду —
Бодро тонули,
танцуя беду.
Прокляты мощи,
и клезмер** пропил —
Вальс, что наш общий
танцзал утопил.
...Вновь — под копирку
баян голосил.
...Я — пассажирку
на тур пригласил.

...В вальсе погромном
 пывём в стиле «кроль»
...В сердце фантомном —
 фантомная боль.
В раксе кружа,
 мы заплыли в вагон,
Скрыла межа
 удивительный сон.

2.

...В сектор ли Газы...
 В Нью-Йорк ли струи, —
Ракс метастазы
 раскинул свои.
Где ни живу я —
 лютую везде:
То же танцую
 всё в той же воде.
Горьким и сладким...
 Жене и вдове...
Вальс танцплощадки
 разбил в голове.
Тут и теки —
 коли клезмер украл
Батьки-реки
 музыкальный астрал.
В кислых ты щах,
 королевич строки...

3.

Плещет в ушах
 голограмма Реки.

1992

* *Ракс* — *танец* (узб.)

** *Клезмер* — *музыкант (идиш)*.

ХАНДАЛЯК

На красотку пялясь тупо,
Отвести не в силах зрак:
Продаётся — cantaloupe
Пригляделся — Хандаляк!
Дыня ты или болячка,
Скороспелая княжна?..
До чего кругла землячка,
И духмяна, и нежна!..

То же имя в новом гуле,
Будто пала волн стена —
Обрезалась в Мирзачуле*
А в Нью-Йорке крещена.
Славно сброшена уздечка,
И в цивильном бардаке
Пляшет сочная узбечка —
На английском языке.

... Свои ль вины искупая,
На иной бахче сажу?

Cantaloupe покупая,
Хандаляк в уме держу.

* Эта географическая точка на карте Средней Азии — синоним превосходных дынь.

ПРИВЕТ МАТЧИЗНЫ

*(«Thank you letter» — по случаю приобретения первого тома авторитетного «Большого словаря мата (лексические и фразеологические значения слова «**й»)), осиянного восторгами филологических светил-славистов Сорбонны, Гарварда, Санкт-Петербурга, Колумбийского университета и Российской Академии наук.)**

Шлют товар на Брайтон демократы,
Бартером прилавки нагрузив...
Ласковый словарь родного мата
Предлагает книжный магазин.

Подсоби, надежда и опора,
Лей в окошко трёхэтажный свет!
Лихо, пряно, метко, точно, споро
Прёт по стритам Родины привет.

Глупые ль милорды виноваты,
Гоголи ль Белинские ушли? —
Сочный мат, не книги демократов,
С Брайтона-базара понесли.

Освежайте память! На здоровье!
Скоро лопнут уши у врагов —
Старых слов крепчает поголовье
На джайляу новых берегов.

Жадную тяну к кринице выю,
Память самогон струит густой:
Край родной, где в душу мне впервые
Запустили крепких слов настой,

Где я был в кармической опале,
Где прощал и другу и врагу,
Где меня так далеко послали,
Что уже вернуться не смогу.
Слушаю...
Слезу тая, моргаю...
И стихи Некрасова ору...
Я — твой пат, Матчизна дорогая!
(Заверните Родину! —
Беру!..)

** А. Плуцер-Сарно "Большой словарь мата".
Том первый, 390 стр., Лимбус-Пресс, СПб, 2001.*

НЕ ЛЕПО ЛИ НЫ БЯШЕТ?..

*Вагоны Нью-Йоркского метро облепил рекламный плакат:
треснувший монумент Ленина, а рядом — в один рост — бутылка
водки «SMIRNOFF». Текст у подошв Ленина и Водки: «Теперь, когда
ЭТА партия кончилась, не пора ли, господа, приступить к новой:
Партии русской водки «SMIRNOFF»?!»*

Как у них — не знаю.
А по-русски,
Вслед за увертюрою вина,
Хорошо бы партию Закуски,
Чтоб порой вступала в нас она!
... Сдул клеёнки «ветер перемен...»,
Разливай — пора отдаться делу.
На столе — бутылка: крепкий член —
Партии, что массой овладела.
Родина, тебе не по пути
С теми, кто тобою сброшен с лодки?
Не честнее ль — тем путём пойти,
Что приводит к баррикадам... водки?
Каждый честно вылакал ушат,
Пригубил судьбу, гремя ковшами...

Памятники ветхие трещат,
Но не слышно треска за ушами.

Где страна, чей голос громко стих?..
Это боль — не в сердце ль? Не в крови ли?
Ум да Честь и Совесть — на троих
Судьбы наши смачно раздавили.
Тянули...
Пора б и закусить —
Хоть яйцом варёным в самом деле!
Истуканы мы могём сносить,
А вот яйца... Это не сумели.

Кто солгал, что сгинул провиант?
Вот плакат.
Он враки топчет яро:
Есть для русских крепкий вариант,
Есть Такая Партия Водяры!

И на стол поставим, и на вид,
Хватит всем — и резвым, и отпетым.
Нахлебались по уши советов,
Пусть теперь «SMIRNOFF» нас отрезвит.
Сел к столу во фраке для парада,
И в фужер — до края — накопил...
Бартер Века!
Партия — что надо!
И — губами в партию вступил.

В старых мехах плещет свежий бред,
Левый глаз стал — в зеркале — правее...
Братие! Не лепо ль ны башет
Кандидатский срок пройти скорее?

1992, октябрь

ZOO-TEST

Сквозь грай и карк
Разламываю сетки.
Как, Зоопарк,
Я стал добычей клетки?
Ползу средь луж
По молодой дороге.
Припомни, Уж,
Где отлетели ноги?
Затоплен плот,
Уже не плавать с Ледой.
Где были, Крот,
Глаза твои, поведай?!
Мне фары Дев
В упор давно не светят.
Кто ныне, Лев,
Границы прайда метит?
Смелее, друг,
Когда султан линяет.
Кто, брат Индюк,
Гарем твой догоняет?
Бреду в бега...

Без динамита взорван...
Как — глаз врага
Добыть сумеешь, Ворон?
Не ошалеть —
Найдя такую долю?
Как запереть
Сумел себя... на волю?
Себя боюсь —
Желанья не пробились.
Товарищ Гусь,
Вы кем к свинье явились?
Пока средь правд
Мой гибкий хвост метался,
Пушистый прайд —
Другим котам достался.
Собою сбит,
Во сне молю добычу.
И Вам — навзрыд —
Сквозь океан мурлычу.

AB OVO*

"Алло... Приветик, щебетунья-птичка!
Что в клювике? Небось, сплошной O'key?"

"Прости, но здесь куриное яичко
Идёт уже за четвертак рублей...
Разлился по судьбе желток свободы —
За миллион купили мы... пятак..."

"Прости, но что гребут кудахтоводы —
За ту, что сносит этот четвертак?!
Я ж помню, сколько стоила решётка,
Прости сказать — несметные гроши..."

...Зелёные пошлю друзьям на водку,
Лакай, братва! Стаканами глуши!

Как им привыкнуть к дикой новой роли? —
Вопрос-свежак, зато ответ смердит...
Что там первично — курица, яйцо ли?

То, что поспело? То ли, что родит?
Как кур в ошип в ловушку мы попались.
Отбросив крылья, круто взмыли ниц...
Лишь боевые петухи остались,
И куры — без насестов и яиц.
Заочный яд во мне бунтует кротко,
Ошибкам и убыткам несть числа.
...Смешных грошей нам стоила решётка —
Жаль, жизнь за нею дешево прошла.
Порвалась скорлупа — заступник тонкий,
Трещит Гондвана — только и всего...
Пришла пора — учиться у цыплёнка
Живой науке —
жизни AB OVO.

**Ab ovo — от яйца, с самого начала (лат.)*

НА БАГЕТ...

*"На мостовой Гарлема найден убитым художник из Ташкента
Альберт Е.,
двадцати четырёх лет, только что приехавший на ловлю счастья и
сюжетов. Евреи Нью-Йорка собрали 2000 долларов, чтобы Америка
могла вернуть матери тело сына..."
(утренние СМИ)*

Невозвратно ударил Харонов брегет,
И к добыче охотник нагнулся...
Собирают евреи гроши на багет.
Чтоб в Ташкент в паспарту ты вернулся.
Зря, Шагалов птенец, ты к Гудзону летел,
К пляске волн, угорающих в твисте.
В акварели и масле Нью-Йорк ты хотел,
Но в гробу он видал твои кисти.
Ты ж летел...
И мечту в синь небес окунал.
Лучше б сердце беду прокричало —
Ведь уже сочинял хмурый Гарлем финал:
Эпитафии этой начало.
Он убил твой эскиз,
И опять доказал.

Что Земля — наше общее гетто,
Когда резал твой холст,
Или в спину вонзал
Равнодушное ню пистолета.
Это город-бандит червячка заморил,
А тепло твоё выпила галька...
Лучше б ты Регистанам себя раздарил.
Умножая Бенькова и Фалька.
... Я и сам сотый грифель
Злодейски крошу —
(Что мне выпишет эта кривая?!.)
Чёрно-белый Нью-Йорк
Я по-русски пишу,
По-ташкентски тылы прикрывая.
Тяжкий хлопок стихов
Я прессую в дневник,
Сапогами стихи приминая.
А в глазах... —
... как ты ухом к убийце приник,
От натурщика смерть принимая.

1992, ноябрь

ДОПЕЧАТКА ТИРАЖА

*"Майн Кампф" Адольфа Гитлера напечатан в одной из типографий
Средней Азии..."*
(из газет)

"Ещё способно плодоносить чрево, носившее гада..."
Бертольд Брехт

Нож в ладони... Кровь в ударе —
Комаром зудит комуз:
"Пришлым бороды поджарим,
Прочие — мотай на ус!
Ствол отпилим — станешь тётей...
Парень, гой твою еси —
Край родной навеки плоти
Поскорее уноси!"

Сбились стаи нот в аккорды,
Ноет най...
Глухой — ослеп...
Стали все — "жидовской мордой",
(И евреи в том числе...)
Рот удрал.
Бойцы сбежались,
Засверкал Дамоклов клык:
Uber Alles! Юбер Аллес —
Государственный Язык!
Глянь: язык важнее кира.
Выше Спаса-На-Крови,
Uber-плова,
Uber-мира,
Поцелуя и Любви.
И нём — величие камеи,
Что изрыта на века...

И уже язык немеет
От Величья Языка
Вы зачем в мой день ворвались?
Я не Против, и не За...
Для меня ведь Uber Alles —
Лапушки моей глаза.

Не уставлюсь, лупой пялясь,
В ваше свежее гнильё.
Uber Alles... Юбер Аллес —
Губы мягкие её.
Пекла ваши дышат хладом.
А в меня теплом проник
Глаз и губ моей отрады
Государственный язык.

Тиража змеятся кипы...

Жизнь вдувают в смрад трухи
Те же горе-линотипы,
Что вечор... пекли стихи.
Вновь ползет в набор шипенье,
Обдавая вся и всех...

(Помню чудное мгновенье:
Предо мной явился Брехт —
Удивил до обалдения
Даже тех, кто сжёг мосты,
Мимолётного виденья
Гений Чистой Черноты.)

Средняя Азия — 1989 г.

Нью-Йорк — 1992 г.

**"ВЗВЕЙТЕСЬ КАСТРАТАМИ!",
или Запоздалое послесловие к книге «Близится эра...»**

Лижет причалы
Горький челнок —
Суперфинала
Первый звонок.
Близятся евро
Сотен сортов...
К этим ли стервам
Плыть ты готов?..

Эре исправно
Мы потакали:
Судеб каштаны
Мы ей таскали.
Съежилась вера,
Вымерла роль:
В жены взял Эру
Голый король.

Юмор сей драмы:
Вовсе не лгали, —
Лишь у себя мы
Эру украли.
Славная повесть,
Тонкая лесть...
Близилась Совесть,
Пыжилась Честь.

Грянула кома,
Выдохлась мера...
Вы – от райкома,
Я – от Гомера.
От Моисея ль
Ветхих годов –
Вопль иудея:
«К Исходу готов!...»?

Честно мы пели,
Честно и ввали, –
Вот что сумели,
Эко удрали.
Близится Эрос –
Глянуть в Аид:
Нынче у сэров
Водка стоит.

Были словами –
Стали цитатами,
Были кострами –
Взвились кастратами.

...Лижет причалы
Нью-плебисцит:
Юных «Анналов»
Свежий Тацит.

Декабрь 1992

ВСТРЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ ШЛЕЕ (попытка отбиться)

Прёт любопытная шлея
Синильгою в порты:
«Скажи мне, кто твой друг,
и я

Скажу тебе — кто ты.
Скажи, почём твой рупь,
и я

Измерю твой сантиметр.
Скажи, кто твой супруг,
и я

Узнаю, с кем интим.
Признайся, с кем был трах,
и я

Нырну в масштабы бед.
Мне покажи свой мрак,
и я

Пролью на это свет.
Скажи мне, с кем ты трус,
и я

Узнаю твой металл.
Скажи мне, кто твой Друк,
и я

Скажу, кого — читал.
Скажи мне, где твой клуб,
и я

Гряду в шелках знамён.
Скажи мне, с кем ты глуп,
и я

Узнаю — с кем умён.
Скажи мне, с кем ты крут,
и я

Узнаю — с кем двулик.
Скажи мне, кто твой «Рух»,
и я

Узнаю — кто "Бирлик".
Скажи, сколь крепок круп,
и я

Нависну как скала.
Шепни, сколь меток лук,

и я
Найду — как цель стрела.

Услышав стук, узнаю я —
С кем ел ты соли пуд.
Мне покажи свой тук,

и я
Узнаю, сколь ты худ.
Скажи мне — где ты труп,

и я
Узнаю — был ли жив.
Скажи вопросам: «Тпру!» —
и я
Услышу твой призыв...»

Паж кавалера де Грие,
Учтив-роман завить:
Ответный интерес к Шлее
Имею заявить:

“Признаюсь, едка Шлея,
Ты перешла между...
Скажи мне, где твой хвост,

и я
Охотно провожу.
Признайся, правды не тая —
Почём — попасть под хвост?
Ах, да: кобыла где твоя?
Нашла? —
Ступай на пост!..”»

РАССКАЗ ВЕСЁЛОГО ПОЛОТЁРА

(Из бильеду на батьковщину)

«Пока ты ждёшь бананы и цукаты,
Цедя надежды из сухой строки —
Меня зовут врачи и адвокаты,
И даже с Уолл-стрита шустряки.
Изъяв гастрит из недр духовной пищи,
К планиде новой вдохновенно пружу,
Где дюжине старейших нуворишей
Я, кажется, пришёлся ко двору.

Пора забыть, родная, об акыне,
Ища дубраву, я уполз в кусты.
Коваль строки, я — оператор ныне,
Оратай грязной сферы чистоты.
Порвав с конвоем, веселюсь с канвою,
Танцуя на развалинах беды,
И ухожу в работу с головою —
«В апофеоз уборочной страды...»

1992

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ ЭТАЖЕЙ

На гастролях думаешь о важном:
О царях, что, даже неглиже,
Реяли в хлеву одноэтажном
Аж на самом горнем этаже.

Променяв на визу верхотуру
На земном привычном рубеже,
Лезут в небоскрёб,
где будут сдуру
Аж на самом первом этаже.

ЛАПА СТАРОГО РУССКОГО

Страны ушат, где мой вопрос блистал,
Плеснул ответ... И уши вата сжала:
Я сам себе вдруг Родиною стал,
Когда страна, предав меня — сбежала.

Сезон — молчать... Не слать на эхо крик...
Из прошлого — шипы... прозренья... иски.
Ах, русский всеспасительный Язык,
Не откажи бездомному в прописке.

Дороги сладкомлечная змея
Вильнула к безъязыкому порогу,
И снова наг в лесу студёном я,
И убегая в Слово как в берлогу.

Гоняю всё бывшее по этапу —
В лесу...
Той жизни русской призрачную лапу —
Сосу...

1992

«В АМЕРИКЕ НЕ...» (первые уроки)

Я был готов к Нью-Йорку не вполне,
И начинал Америку тревожно...
Мне — прежде, чем шепнуть,
Что в Штатах МОЖНО —
Поведали, что абсолютно — НЕ:

В Америке не жди, что будешь понят,
К растерянности вечной будь готов.
В Америке лишь тот мышей не ловит,
Кто вместо них решил ловить котов.
В Америке быть слабаком нелепо,
Не дрогнет здесь Хозяина рука.
В Америке твой дом — в законе крепость,
И градусом повыше коньяка.

В Америке не задирают лапы,
Бьют по ногам — вбегаешь на руках.
Здесь вышвырнут на улицу за запах,
И подберут на улице за пах.

В Америке не треплются часами,
Как Демиург, не властвует Горком.
Здесь люди до всего доходят сами —
В сабвее, на ушах или пешком.

В Америке ни шагу без рекламы —
Она всему начало задаёт.
Здесь и дитя грудное сиську мамы
Без правильной рекламы не возьмёт,
В Америке мозги пинком латают,
Дырявых после штопки в Штатах нет,
В Америке иллюзий не питают —
Питают тех, кто платит за обед.
В Америке пожизненно не правят,
Не наломают ради печки дров.
И баснями здесь соловьев не травят —
Сожрал их местный дедушка Крылофф.
Кругами здесь, в Америке, не ходят,
А сразу приступают к дорогой.
В Америке руками не разводят,
А вот ногами — разговор другой...
В Америке движений нет напрасных,
А глянешь в корень — можно онеметь:
Америка — страна таких контрастов,
Что чёрно-белый... впору... занять.
В Америке по мелочам не дурят:
Сажают на гарпун — не на крючок.
И в душу здесь, в Америке, не курят,
Не гасят о достоинство бычок.

По бюллетеню горько не вздыхают,
Полно здоровья здесь у всех по гроб:
В себя по сто пилюль с утра пихают,
С улыбкою пиля потом на job.
Америку с разбега не возьмёте,
И не купить здесь доллар за пятак.

В Америке и мать — чужая тётя,
И умник без зелёненьких — дурак.
В Америке башка повыше выи,
Коль нет — башке и вые не простят:
На глупь здесь косо смотрят и слепые,
А слышать — и немые не хотят.
Америка — не сладкая подружка —
Ложатся на неё как на верстак:
Америка сдерёт с любого стружку,
И даже с тех, кто сам сдирать мастак.
Но влезши в беды — по уши, по гроб ли,
В Америке и рыба — соловей.
Во рту не языки, а — «no problem»,
Во рту тотально-радостный «O'Key».
Вы сами тут ко многому придёте,
Причём, своими ножками, пешком...
Не принято здесь трахать на работе —
Тем более по тейблу кулаком.
В Америке вокруг не долго кружат,
Как приступают — вас не мне учить.
Здесь бабе объявить импичмент мужу —
Что вам колёса «Форда» обмочить.
К зениту здесь по-разному приходят:
И топают, и блеют, и мычат...
Здесь Авеню к величию восходят,
Горизонтально Стриты жизнь влачат.

Здесь Моня с Мишей живо Майклом станут,
Легко из Саши Алекса добыть.
В Америке и Ванечка — не Ваня,
В Америке пожалте Джоном быть.
В Америке неглупые поэты
Боятся на дорожку пить ситро:
В Нью-Йорке не отыщешь туалета,
Вот разве что на станции метро.
В Америке совсем не по-советски
Спешишь в сабвей, спасаясь от беды:
Билет берёшь — как для большой поездки
До, извиняюсь, малыя нужды.
Какие траты! Братцы, не до смеха —
Они как тяжкий груз на мне висят:

На два с полтиной доллара проехал,
Побрызгал на двенадцать-пятьдесят...
В Америке пустых забав не знают,
И ножками напрасно не сучат —
Здесь и собаки лишь по чеку лают,
И тигры за наличные рычат.

Ноябрь 1992

ПРОТОКОЛ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ДОПРОСА, ИЛИ РУЛОН ТРЕВОГИ НАШЕЙ

*«Студенты, ворующие бумагу, будут немедленно отчислены из
Английской Школы Нью-Йоркской Ассоциации Новых Американцев.»
(Циркуляр в туалетах "NYANA")*

Не отводи свой лживый левый глаз,
И брось лепить из женских штучек сагу...
Любимая, когда в последний раз
Ты крала туалетную бумагу?
Ах, не доводит жадность до добра,
Брожу уж сутки, паникой объятый:
Я вспомнил, дорогая, как вчера
Пришла домой ты явно воровато.
Моей смешной тревоги гарь развеи,
(Хоть успокоюсь я уже едва ли):
Под блузкой оттопыренной твоей —
Не два ль рулона круто набухали?
Готов за «бюст» услышать я рассказ...
Оставим сказки — я едва не помер:
Мне показалось, что на этот раз
Был явно у тебя... десятый номер.
Любимая, ты допустила ляп,
Лжеидеалом ты себя питала.
Пойми, родная: лучше-таки кляп,
Чем красть бумагу в Море Капитала.
Припомни:
Джона Грозного рука —
Рукой опрични — приводила к лаже:
Воришек вмиг лишала языка...
Ты хочешь, чтоб и нас они — туда же?

Отчислят — и откажутся кормить,
В таблоидах три года будут славить.
Ведь им прощупать и разоблачить —
Что в «Кадиллаке» писсуар поставить.

Да на тебе Звезды Давида нет:
Сегодня ночью ты бродила с ломом:
Решила, чтоб казённый туалет
В дизайне полном очутился дома?
Что ты лепечешь?..

Ты меня прости:
Один рулон — ещё не эпопея?!.
А ты хотела б танкер увести,
Иль — три вагона прямо из сабвея?
Твой аппетит умерю — хоть с трудом,
Неисправима ты — как Крюгер Фреди.

Когда б ты заявила в Белый Дом,
Кого б ты увела у Первой Леди?

Не ты вошла ли в криминальный раж,
Пиратствуя на море и на суше?
Из дерзких и потрясших Штаты краж —
Торчат твои натруженные уши?
Мне лепет твой — как вилы на обед,
Любимая, ты нагло осмелела...
Стоп! Атома украденный секрет —
Чьих резвых ног, я извиняюсь, дело?!.

...Друзья, у вас и горше, и курьёзней,
И угадать нельзя, что будет впредь...
Я знаю: вам не то, чтоб посерьёзней —
И даже слёзы нечем утереть.
От слёз одних мы с вами в стельку пьяны,
Вчерашнюю припомнив старину,
Когда в Кремле царили... вытираны,
Что увели бумагу и... страну.
Вердикт потомков хладен и суров,
И оправданье сыщем мы едва ли —
За то, что у Сиятельных Воров
Самих себя так поздно мы украли.

Вновь по Руси — великий вой и стон,
Вновь не простят евреям иль татарам...
Едва не век — мотали свой рулон,
Едва не век — служили писсуаром...
Осталось поздний опыт подбирать —
Гаргантюа, тобою был он подан:
Рабле учил утёнком подтирать,
Но оказалось — можно и Народом.
И вот уже несёт кошмары сон,
Я в нём мечту заветную лелею —
Пусть, охраняя важный сей Рулон,
Солдаты бдят — как век у Мавзолея.
Я до рассвета грёзами объят:
(Дай досказать... Любимая, не тискай!..) —
Как сможет караул нести солдат,
Бдя у Рулона — с русской пропиской?
Беда — забыть намёки терпких ран,
Беда — загнать кобылу в положение,
Где каждый — добровольный вытиран —

Ещё не зада, но уже — Движенья.

Октябрь 1992

РАССКАЗ АНТИДАРВИНИСТА

Жизнь проведя в застое и тумане,
Готов я к оглашенью злобы дня:
Я не скажу спасибо обезьяне,
Что как-то в люди вывела меня.

Зачем придумал Дарвин эту лямку:
С зимы сугробов — летних ждать плодов.
Подумайте: одна борьба за самку
Сожрала кучу денег и годов.

Припоминаю подвиг поколенья:
Боролись на доверенных постах,
Чтоб побеждать застойные явления
Во... вслух неназываемых местах.

Но есть неопалимая отрада —
За это можно сутками кирять:
Нам обозначил Маркс границы прайда,
А Ленин научил — их расширять.

Наш паровоз границы поступь метит,
Кто не согласен — ходит по ножам:
«Калашников» любителям ответит —
Принюхиваться к нашим рубежам.

Я спел, а песню заключаю в рамку,
Эх, Дарвина б в застойчик окунуть! —
Не он ли сочинил борьбу-за-лямку,
Которую нет сил уже тянуть?

САМОГОН

Любовный лепет — равный мату
Я гнал, лишь самогон ценя.
...Не потому ль я — сторож брату,
Что нету брата у меня?

«Где Авель, Каин?» — клянчит Тора,
Аж дрожь в коленках не унять...
Не потому ль я — веку сторож,
Что поздно что-то охранять?

Гоняет США чаёчек «Липтон» —
Так и Дракона гнал Дракон.
Но — самогоном из Египта —
В другой ушли мы самогон.

Ликуйте... Радуйтесь... Рыдайте ль...
Струите шаг парад-алле —
Всегда есть рядышком предатель —
Предатель
Авеля —
 земле.

Он обнажён — как Гойей — Маха,
Былого он — Грядущий Храм...

Но вопиет кровь из праха
ЕГО неслыханным ушам.

Знай, сей рецепт пора вам знати,
Когда вы — Бога эпигон:
Дреколье взять и —
 гнати... гнати...
И гнати... гнати — самогон!

Я — УЗБЕК *(вторая попытка мунажот*)*

*«Я — еврей!»
Гафур Гулям*

В тот денёчек берег спился,
Плыл туман повеситься...

Я в Нью-Йорке появился
На девятом месяце.
Где зачат — смешной вопрос,
Не вздувайте впредь его:
Папа-«Боинг» нас понёс
Аж от Шереметьева!
Этой ночью был на старт
Вызван безусловно я...
Каждый в «Боинге» — бастард
Батки с родословною.
Сдал меня Узбекистан,
И не привстав со стула.
Принял — мистер Мангаттан
Третьего Элула.
Грянул шах, увы, не зря —
Положение матово...
Так, на старте сентября
Я к финишу подкатывал.

Я — на карту... Ну и вид
Их картограф врезал нам:

Слева — Мангаттан...

Висит —

Явно не-об-ре-зан-ным!**

Зелен я, как лук-порей,

Или что другое:

Думал, Мангаттан — еврей...

Но... Чтобы... как... у гоя?!

Что обидно — смотрит вниз...

Импо-рт... Ну, не дико ли?

Помогите, Бруклин, Квинс —

Верные тестикулы.

Богатырь, а не у дел —

Путь к здоровью долог.

Жаль, на карту не глядел

Ни один андролог.

Знает в мире каждый край,

Завистью объятый:

Славен Мангаттан — как бай,

Мудрый и богатый.

Пусть богатств его не счесть,

Пусть широк собою —

Извиняюсь: ровно шесть —

Время для плейбоя?..

Доигрался? Сел на мель?

Гигнула подкорка?..

И — куда глядит Моэль

Города Нью-Йорка?!

Время справить брит-миллу,

Чтоб город слёзы вытер,

Надо выписать муллу —

Из Ташкента-сити!

Запад без радаров слеп —

В спутниках романтика...

А мой земляк и на осле б

Шагнул через Атлантику.

Спеши, земляк, скорее режь! —

Уж третий век — томление...

Мангаттан, готов за кэш,

Иль по перечислению?

Отщипни, что хватит сил,

Поспеши на пиршество —

Ты и не таким сносил
Архитектурные излишества!
После — хоть в Париж его —
Для суеты, снования...
Эх, трудно в США без высшего
Об... обрЕзования.

...В душу словно дэв пырнул,
(Ша!.. Не трожь Корана!..)
И — с разбегу я нырнул
В прорубь Рош-Ашана.
Бился штиль... Не таял лёд...
Отогреть — пустое
Тех, кто лечит Новый год
Старой ворожбою.

Я бликую в облаках —
Бедный, с бледной блендою.
Я по англишу пока
Бэд-но understand-аю).
Очень трудные слова,
И сцепленье дикое...
По-узбекишу, братва,
Куда бойче спикаю.
Разве мигом подменю
Свой топчан — скамейкою?
Вот и брожу по авеню,
Всем салям-алейкуя.

Узаконен парадокс...
(А я б не докумекал!..) —
Мне присвоил мистер Фокс
Звание Узбека!
От НАЙЯНЫ в нас всеял
Истину лихую.
Вот тогда я и узнал —
Who is, братцы, who я.
...Подождал... Сгустилась тишь,
Взгляд обвёл объекты:
- Из Ташкента, говоришь?
- Yes!
- Стало быть — узбек ты!

Прежней чуши груз — на слом,
Мыть в бидэ мозги нам!..
Из Тбилиси Кац Шолом
Мигом стал грузином.
Коган Фимка, будь здоров!
Дух опять твой ранен?..
Что там пишет Кишинёв?..
Вздогнем, молдаванин?

Сентябрь 1992

* *Мунажот* — суперпопулярная в веках узбекская народная песня,
Ниагара тоски и печали — силою до кручинушки. Текст
приписывается Алишеру Навои.

** — *Читатель, время скосить глаза на карту Нью-Йорка: момент
анатомической истины! Сие написано ровно за девять лет до атаки
девятнадцати камикадзе-резников на безвинные фаллосы башен-
близнецов.*

IS OUT OF... (Вавилонский замес)

К лифту иду...
 А на двери —
Вывеска цвета бордо:
«Sorry! Is out of service...
Лифт не работает — до...»

Вот — и лифтёрщик туда же:
Видимо, варит пилав —
В час, когда, чуя поклажу —
Сердце — is out of love.

Конь мой засижен, и мухи —
Так облепили шлею,
Что — погружённое в муки —
Body — is out of you.

Сам себе — client and service,
Вешать пора амулет:

Нервы-с
не out of стервы-с,
Ясность же — out of бред.

Ведаю жребий, и знаю:
Морду порезав о фас,
Нежность — педаль тормозная —
Прочно — is out of us.

В кедах явившись на раут,
Будь подозрения полна —
Ручка!..
Ты — out of out,
Цезаря — ****ь и жена...

BLAH-BLAH-BLAH

...И лично Пушкин код прочесть поможет,
Готовность — и похвальна и мила:
«Я вас — blah-blah,
Blah-blah ещё, быть может,
В моей blah-blah
Угасла не blah-blah...»*

Не стану гнуть подковы покаяний —
Кузнечный опыт мой в Нью-Йорке мал...
Домкрат-учитель, крякая в НАЙЯНе,**
Нам этой штукой level поднимал!

Внушал упрямо супервайзер курсов:
«В башке чужой плетите вязь свою!..»

(Да это ж экономия ресурсов —
Посредством... мыслей... в нужную... струю!..)

Я над собой смеялся до икоты,
Как только вязь услышать привела:
«Ах, Mister Shuf,
Покамест — blah-работы!..
Excuse нас... Завтра, может быть... Blah-blah...»

Лингво-секретом дивным обладая,
Теперь уже не гну язык дугой —
Пустые вёдра в речи выставляю,
Чтоб родником наполнил их другой.

...Моя газета мне и ныне снится,
Она была на похвалы смела —
И две, и три, и даже все страницы
Сочились упоительной blah-blah.

В ней, как и все, я был лихой старатель,
Скрипела драга,
И артель цвела,
И ежедневно узнавал читатель,
Что Брежнев новым награждён blah-blah.

Мы пионеров гнули как подковы,
И партия blah-тной мотив вела:
К борьбе за дело blah-blah-blah — готовы?

Хор просветлённо рявкал:
«Blah-blah-blah!»

Но отодрав текущее от плевел,
Тебе шепчу,
Оставив все дела:
«Любимая, гляди: поднялся level*
И значит, приближается blah-blah!..»

Не прокляты застойные повадки,
Видать, кишка, и вправду, не слаба.
Но что за жизнь, друзья? —
Сплошные blah-дки,
Куда ни ткнусь —
Blah-blah меня судьба.

Познав, что нет в провалах совершенства,
В чужом тандыре — для золы горю...

(...Но вас, blah-blah,
Что сеяли blah-женство,

Blah-гословляю
И blah-годарю!

Октябрь 1992

* *Blah-blah-blah* (англ.) — болтовня, тара для слов.

** NYANA — Нью-Йоркская Ассоциация Новых Американцев.

*** *Level* (англ.) — уровень (знания) языка.

«АЙ-ДИ»

В самолёт ли тут входи,
В инцидент ли вмазан —
Показать властям «Ай-Ди»
Господин обязан.

Встав на штатовский батут
От станков и пашен —
Знай: с «Ай-Ди» ты барин тут,
Без «Ай-Ди» ты — рашн.

Если нету — хоть роди
Ксиву против фальши.
(Или лучше —
сам... ай-ди
Ты куда подальше!..)

Слышь ты, с бляхой на груди,
И при тачке «Ниссан»:
У меня ж всю жизнь «Ай-Ди»
На носу прописан!

Оцени природы финт,
Я ж — не враг Писаний...
Вишь на морде — фингерпринт
Родины касаний?

Миссис-память, не зуди
В жанре перебранки —

Мол, бывшее — впереди,
И любое, мол, «Ай-Ди» —
Выдашь...
На Лубянке.

«MAY I HELP YOU?»

Нахлобучив омут кепи,
Рад весь день тонуть в стихе...

Дверь открою —
«May I help you?»
Сунусь в лавку —
«May I he...?»
В уши бьёт мне цокот степа,
Аж катить охота прочь:
«May I help you,
May I help you? —
Не могу ли Вам помочь?..»
Кепи слил...
Одел отрепье —
Уж теперь не оплошать!
Тотчас слышу:
«May I help you
Хоть немного помешать?..»
Половой! Ды ты — пиранья:
Рвёшь мне руки без слезы —
Будто получил задание
Тамерланова мурзы.
Господа! Я не в обиде,
Да и рад почти всему...
Но молю вас:
Помогите —
Мне остаться одному!
Как ямщик, что ранен степью
И дружку отдал наказ —
May I help you,
May I help you —

К чёрту отфутболить вас?
Отцепитесь, люди-репы:
Пали — как на землю ночь...
May I help you,
May I help you —
 May I help you —
...НЕ помочь?

...Ночью — снов тяну прицепы,
Слёзно вопрошая высь:
«May I help you,
May I help you —
От меня навек спастись?»
Отбивает Небо эхо —
Так, что просто нечем крыть:
«May I help you,
May I help you —
Мёд былого повторить?»

...Где же пчёл лесные морды?
...В дупла где заветный вход?
...Что струит мне — горький... бортный
А с изнанки — сладкий
 мёд?
Жму педали в глупом гите,
Тщусь ошибки обмануть...
Пчёлы!.. Пчёлы!..
Помогите —
В улей тот себя вернуть!

У скалы просящий хлеба,
С галькою во рту — кути!..

«May I help you,
May I help you —
До дурдома подвезти?»

Подвези, рулящий лихо...
Горячи мотор коня:
May I help you —
сдать Глав-психу
Глав-здорового меня?

Новый Улей — ханство НЭПа!
(Но дела мои плохи,
Если всё, чем
 may I help you —
Эти бортные стихи...)

ТАКОВ...*

*"Если вы не приберёте здесь после своей собаки — штраф до \$100".
(Из Закона (и плакатов) об общественном здоровье № 1310)*

Вот — на лоб полезли ноги,
Заплетаясь без вина...
Псам в районе синагоги —
Индульгенция дана.
Всё — по таксе, не по блату.
Но жиреет тест во мне:
Глаз кося на лай плаката,
Примеряются ль к цене?
Иль, немея на мгновенье,
Нервно твякают на суть:
«Это что за... приглашение
С тайной плёткой — отпугнуть?!»
Пёс трусит, глаза набычив,
Кое-что в себе припас...
Но хозяин гневно тычет
В разорительный Указ.
Стой, Закон, крепчая в силе!..

...Мысли поводок жую:
И рубля не отвалили,
Оросив траву мою —
Там, где все сорвал я гайки,
Где резьбы оставил клок,
Где рассвет моей лужайки
Полк полканов пересёк,
Где в ушах — мозоль от лая,
Клёкот розовых курков...
Где, с конур замки срывая,
Цепь прогрыз — и был ...*

Новожил иного брода,
Ухом в мелководье врос:
Слышу лай статьи дохода —
Задирает сотню пёс...

* Господа! Соблаговолите на сей раз узреть сноску в ...заглавии.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

**ЧАС КЛОПА, или ВЕНОК ДОРОЖНЫХ ЗНАКОВ, СПЛЕТЁННЫЙ В
РАМКАХ УСЕРДНОЙ ПОДГОТОВКИ К ТЕСТУ НА ПОЛУЧЕНИЕ Driver
License Штата New York
(букет сонетов)**

*"Если тебе кажется нужным выпустить кровь из поясницы,
поставь кровососную банку и открой самые большие вены мошонки.
Лечимый таким образом, больной выздоровеет очень быстро".
Гиппократ*

Merging Traffic Entering From Right

ХАЙВЕЙ, ИЛИ ЕСЛИ УГОДНО, МАГИСТРАЛ

Ещё на Вызов я смеялся: "Мне-то?!"
Но выплыл Знак и резануло: "STOP!"
Зуб оценил дыхание кастета,
Рванул Ковчег — осваивать Потоп.

Легла на душу туша свежих вето,
Распутин ожил — трёп обоих Глоб.
Истёрлась красноезвёздная дискета,
Плюя на керосин, вознёсся Клоп.

Игра-дерьмо. Но лучезарна мина.
Отныне Клоп — Начальник керосина.
Бьёт час Клопа! Калиф не оплошает,
Долг отправляя на посту своём.
Он морщит кровь чужую, и решает —
Кого согреть, кого — спалить живьём.

Stop

1. СТОП

Ещё на Вызов я смеялся: "Мне-то?"
А ёзарь(1) Колька пыжился марать:
"Суровый Дант не презирал минета,
И заповедал нам — не презирать..."

Ещё в тандыре дотлевало лето,
И мозг алкал в забвение нырять.
Нырял... Но Долгой Помощи карета
Уже спешила жилы отворять.

Смыкались хляби, став слепым потоком.
И вот — влеком, как битломаны роком,
Из августа — в бега перетекая
За хромотой обрыдших тем и стоп,
Я поспешил, самодурман лакая...
Но выплыл Знак, и резануло: "STOP!"

Yield

2. УСТУПИ

... Но выплыл Знак, и резануло: "STOP!"
И ГСМ спалили гладь лагуны,
И в сны шагнул любимой Лобный лоб,
Чей дом живал на склоне рыжей дюны.

В кавернах серп, и развалился сноп,
Проснулись к жатве вспыхнувшие гунны,
И сжался раб, и удалился сноб,
Оставив в знаменателе лакуны.

ОВИР — демографический разносчик,
Всадил в мой паспорт аж французский росчерк,
Погнал ямщик свой теловоз в степи.
Я содрогнулся: правда ль песнь испета?
Но мне тумор(2) прошамкал: Уступи!
(Зуб оценил дыхание кастета).

Railroad Crossing

3. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ПЕРЕЕЗД

Зуб оценил дыхание кастета,
Чей смрадный клык сверкнул из Ферганы.
Сообразил: для пенной пасти этой
Молочные и мудрые — равны.

Платил и я там чистою монетой
За Веры Палны сбывшиеся сны.
Блистала арматурная мулета,
Разя тельцов Долины и Страны.

Контейнер стал товаром и наваром,
Хоть год назад не нужен был и даром...
Приняв сей яд ментально и подкожно,
Приняв на борт арык — не стопок — стоп,
В рань переездов железнодорожных
Рванул Ковчег — осваивать Потоп.

One Way Traffic Do Not Enter

4. ОДНОСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ. НЕТ ВЪЕЗДА

Рванул Ковчег — осваивать Потоп...
Дал проводник зелёную отмашку,
А пьяный капитан — ташкентский коп,
Вонзил мне в грудь — как пистолет — фуражку.

Взалкав две тыщи — деревянных проб —
За недосмотр баулов... За поблажку...
За невбиванье арматуры в гроб...
И — проглотил... И передёрнул ляжку.

Я сумму в дуло радостно спустил —
За то, что сам себя в кювет сместил,
За ад движенья в сторону отъезда.
Но что ему? Хоть за пределы Света!
Он убеждён: мне нет обратно въезда...
Легла на душу туша свежих вето.

No U-Turn

5. РАЗВОРОТ ЗАПРЕЩЁН

Легла на душу туша свежих вето...
Издох туман... По швам раздался плед...
И — выплыл лик кокандки Стебут Светы
(Я был в неё влюблён в двенадцать лет).

Бухать туман — особая примета:
(Признает Фрейд, что сей алкаш отпет).
Тридцатник с гаком минул с того сета,
Первичных грёз вторичная Скарлетт.

Как зыбок лик!.. Но, Светка иностранка,
Коканду ты покамест — не турчанка?
Ещё твой двор ножи не запрудили —
Отнять причёску — с головою чтоб?
Мне ж разворот открытья запретили:
Распутин ожил — трёп обоих Глоб.

No Left Turn

6. НЕТ ЛЕВОГО ПОВОРОТА

Распутин ожил — трёп обоих Глоб.
Чумаки на уши вешают баранки,
Таращит Космос лапы тайных строп,
Судеб земных смешно вертя баранки.

Крадётся Лонго большаками троп —
Клиенту в Мавзолее ставить банки...
Но — недоступен шредерский Гулоб(3)
Лакировать ухаб брутальной пьянки.

В эфире Кашпировский верховодит,
В нём чудеса... В нём нео-леший бродит,
Сводя русалок с веток и ума.
Им — счастье безминздравия воспето...
На пляж свободы хлынула тюрьма —
Истёрлась краснозвёздная дискета.

Keep Right Of Divider

7. ДЕРЖИТЕСЬ ВПРАВО ОТ РАЗДЕЛИТЕЛЯ

Истёрлась краснозвёздная дискета,
Прибит дождями левый поворот.
С худой ноги Страны слетела кеда,
И косят вправо нация и рот.

Вопят про шепот шайки нео-Фетов,
Забив в стволы
стихов свинцовый шрот.
Иной кишмиш ссыпал в свои сонеты
Поэт в законе — меткий бейтомёт(4).

... Не хохма ль: Люцифер из райских келий
Был изгнан Богом... первого апреля,
И первого ж — Иуда криком первым
Мир известил — остерегался чтоб?
Тогда ли вправо зарулили нервы,
Плюя на керосин, вознёсся Клоп?

Right Lane Ends Merge Left

8. СУЖЕНИЕ ПРАВОГО КРАЯ ДОРОГИ

Плюя на керосин, вознёсся Клоп,
В СП вовсю слагая "Рамаяну".
Где ж Навои?.. Забыт или усоп...
... И я помчал —
водой наполнить ванну...

Ведро... Фужер... Ладонь... —
Хватило чтоб
Гасить толпу, когда усохнут краны:
"Милее книги в мире друга нет"(5),
Теплей огня не сыщешь эпиграмму.

Гудят акыны, славя на века
Дрожащий, гордый факел языка.
Готов слизать он небо и чертоги,
Суженьем правым стиснута машина:
Играет в Освоение Дороги.
Игра — дерьмо. Но лучезарна мина.

Two Way Traffic

Divided Highway Ends

9. КОНЕЦ ДЕЛЕНИЯ. ДВУСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Игра — дерьмо. Но лучезарна мина
Замедленного действия вранья.

Былой Кощей пурпурны кости скинул,
В скелет зелёный телеса струя.

Кому чапан, кому на плечи тина,
Кому — под хвост игривая шлея.
Конец деленью... Все равны отныне
Пред двусторонним бегом бытия.

Оперативной тактике Закона
Я предпочёл твои, Молчунья, стоны —
Консенсус наших жарких губо-рук.
В краю, где нам обещана осина,
Где знал я калампир(6) медовых мук,-
Отныне Клоп — Начальник керосина.

Hill Ahead

10. ВПЕРЕДИ УКЛОН

Отныне Клоп — Начальник керосина,
Готового со спичкою гулять.
Венчает он на ханство дочь и сына,
И учится тахтою управлять.

Мча под уклон, сломав во мне акына,
Он покусал и слово, и кровать,
И кровным братом повелел отныне
Себя и даже всеу называть...

Сменив перо и стих на смрадный шпатель,
Любимой вмазал маньерист-тесатель
С библейски-нежным именем Фират.
Каков Клопшток! В аорты мир сношает,
И любит кровь, как Газу — Арафат.
Бьёт час Клопа. Калифчик не плошает.

Slippery When Wet

11. СКОЛЬЗКО, КОГДА ВЛАЖНО

Бьёт час Клопа! Калиф не оплошает,
Он выполз в люди сквозь горнило карм...
Но долгих восемь лет виски сношает
Шальная мысль: ты мне открылся, Гарм.

Тахта в Метанионе не ветшает,
Сохранены былые шик и шарм.
Фузайля внуки здесь джиргот вкушают —
Похвальный йогурт, хоть и не "Yofarm".

Намёка нет на торжество детанта,
Здесь внуки жертв воздушного десанта
Свой кайтариш(7) содеять преуспели,
Скользя Сурхобом, выжженным живьём(8).
На штык язык обидчиков надели,
Долг отправляя на посту своём.

Traffic Signal Ahead

12. ДОРОЖНЫЙ СВЕТОФОР ВПЕРЕДИ

Долг отправляя на посту своём,
Там были все в первостатейном кале,
Душевный, впрочем, чувствуя подъём,
Когда башку плескали в пасторали.

Во мне сей факт не зарастёт быльём,
Хоть прочие, как светофоры, ввали,
Но робко Б-г мне указал проём —
На этот верх меня-то и свистали.

Но кто свистал — Святой или Иуда?..
Увы, я сам гремел пустой посудой,
И звал кишки на творческий обед.
Послушай, Клоп — не мой ли пульс ветшает?
Вручив задачку, молча жду ответ.
Он морщит кровь чужую. И решает.

Traffic Signal Ahead

13. ШКОЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД

Он морщит кровь чужую, и решает —
Сорву ли я не мне висящий плод?
А между тем Дорога приглашает
На праздник Знака: Школьный переход.

Бреду... Но — "Из"... Поскольку не прельщает
Меня открывший
мной открытый код:
Давно меня он травит и страшит,
Стеля за ходом — ход, за годом — год.

Когда из рабства мчит тебя тропа,
Сначала раздави в себе Клопа.
Кровь замени — случайного надоя,
Избей меня, но помни о своём.
И — поживей за дело молодое:
Кого — согреть, кого — спалить живьём.

Hospital Emergency Services To The Right

14. ГОСПИТАЛЬ

Кого согреть, кого — спалить живьём —
Решает Клоп. Железный Торквемада.
Он к Вечности записан на приём,
И ступит, если Коба молвит: "Надо!"

И — молвит... И начальственным киём
Пихнёт сердца к зловонным лузам ада,
Куда стремглав торопимся втроём —
И я, и Примавера, и Отрада.

Потом... Потом...
Пока ж — бездарно рано:
Ещё струят... струят мозги из крана,
Ещё гидрант не лопнул... Не иссяк.
Ещё на мой мотив Тора не спета,
И Гиппократ не запретил кабак.

Ещё: на Вызов я смеялся: "Мне-то...?!"

-
1. От узбекского корня "Ёз..." — (писать).
 2. Тумор — амулет, оберег. Часто треугольной формы.
 3. Сорт виноградного вина.
 4. Бейт — двестишие.
 5. Категорический императив Алишера Навои.
 6. Калампир — (узб.) — горький стручковый перец.
 7. Кайтариш — томительный ритуал многократного переливания чая из пиалы в заварочный чайник.
 8. Сурхоб — буквально "красная вода". Река в Каратегине. В октябре 1929 года на её берегах разыгралась кровавая драма. Семьсот разъяренных джигитов под предводительством Фузайля Махсума, взломав границу, пытались взять Гарм, лелея мечту — вернуть на трон Эмира Бухарского. (Об этом — моя книга "Пять минут до десанта": М, "Молодая гвардия", 1987.)

ПРЯМОЙ РЕПОРТАЖ, ИЛИ ФЕРГАНИНСКАЯ-1989

Поэма*

(Исполняется на мотив «Камаринской» — с притопом, прихлопом, подбоченья и, по возможности, поводя плечами и текстом коммюнике о мирном сосуществовании)

**Поэму разбудили трагические события в Ферганской долине, где тем злосчастным летом грозно и многозначительно загудел межнациональный пожар — грудное дитя подозрительной спички...*

«Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца своего...» (Книга пророка Иеремии)

«Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами...» (Третья книга Моисеева «Левит»)

I

ВЗМЫВ НАД БАНДОЙ, МИШКА ЧАРНЫЙ МНЕ ЗВОНИТ... —

II

(...Не случайно он в Коканде знаменит:
Сам Парнас его стихам ковёр стелил,
Сам Покрасс их на мотивчик повалил!..
Он поэт, и в этом нет его вины,
И ферганские газеты им сильны.
Я — зверею...

Мишка — камень-человек...

Меж евреев в званьи — «Пламенный узбек»,
Все учителю-еврею бьют челом,
Он — почтительно: «Алейкум-Ассалом!»
Если яро в махалле карнай поёт —
Мишка Чарный веселится, плов жуёт.
В Мишкин дом соседи к прениям несут —
И содом, и откровенья, и самсу.
И к теплу его привета льнут сердца —
Ах, улыбка! Ох, ответы! Ух, маца!
Ашкеназ осанки барской, меценат,
На евреечке бухарской он женат.
В центре бедствий лад заводит, как движок...

Он — из детства задушевный мой дружок).

III

...Как-то летом раздаётся телефон.
Мишка это вопияет в микрофон.
Не картошку солью-рифмою кропит —
Из окошка репортаж прямой вопит.
Над войною он в «хрущобе» воспарил,
Реки гноя высотой усмирил.
Время оно разрастается кистой —
Телефоном заменив калям простой.
Репортаж — до безобразия жую,
Сто вопросов каждой фразе задаю.
Пухнет ухо... Раздуваются слова...

В горле сухо — аж бунтует голова
Мишку слыша, в транс пускаюсь — сам не свой

От камаринской-ферганской плясовой...

IV

«Сын дехканки лунноликой... Ах, мужик!
На Таганку ль вдоль арыка ты бежишь?
Гнев твой крут... Ладони-дуры аж дрожат,
Прут смертельный арматуры в них зажат.
Кем, Латиф, твой мозг закакан? Где твой Храм?
На кого летишь в атаку ты, Акрам?
Арматура подвернулась? Мозг пропит?
Что очнулось? Что проснулось? Что вопит?
Может, гены озадачил мячик-зуд?
Может, вены вздул горячечный мазут?
Часом, ты не из пивной? Слегка бухнул?
Иль верблюд шальной в тандыр тебе харкнул?
Мой испуг, моё отчаянье развея,
Тайный друг случайной ярости своей.
Вдрызг мосты — и больно бьётся в горле ком,
То не ты — вся жизнь несётся кувырком.
Зрю грядущий тлен в хмельных твоих руках —
На тщедушных, взятых в плен грузовиках. .
(В головах их рыбкой плещется моча —
Тепловата, как улыбка Ильича...)
Храбрый сдуру, до поноса трусоват,
Арматуру всем подносит газават.
Нет помех... Жируй, война!.. Толпа вопит...
В головах у всех одна шурпа кипит.
Праздник казни крылья чёрные простёр,
Город разом превратив в один котёл.
Их, пожалуй, тысяч двадцать! Ну, орда,
Гитлер-жалом-смог добраться и сюда!..

Всё сметая, налетела саранча
(Как пломбир, заветы тают Ильича),
С рожей каменной дробят топоры,
Дружбе пламенной пророчат ад костры.
То не мячик стал топтать атлас травы —
Это мальчик поотстал от головы.

Ну и сила: соло-дриблинг топора! —
Покатилась развесёлая игра.

То не чанги, не карнаи рады петь —
То турчанку распинают — потерпеть
Мужа возле, рядом брата и отца...
Ну, а после — нос оставят без лица.
Верховодит командирчик полевой,
Так и ходят ноги в пляске половой.
На товарищей бинокль нацель, Горком —
Во влагалищах бутылки с кипятком.
То не выпад хулиганский, не кураж,
Это петтинг по-фергански, ласки раж.
Зри в бинокль — полёт нормальный. Трахарь-ас,
Всеферганский сексуальный грянул час.
Любят гневно — как умеют, не юлят,
И душевно обогреют: дом спалят.
С гор Месхетии неробкой — не слышать,
Как умеют дети кротко полыхать.

Децимации... Из окон вижу я —
Беглой нации горит гузапая.*
Слышу вопли... Вижу мяса голоса...
Вытри сопли — выпекается самса.
То не притча — то самса из детворы.
(Босх!..

«Капричос!..»

Чудеса!..

Ино-миры!..)

V

Ах, самса! Кусочек плоти во муке!
Два часа клокочет Век в моей руке...
Лишь глаза закрою — вновь былое пью.
С зарумяненной корой самсу жую.
В ней я чую — на съеданьи с ней пока —
Дрожь хмельную — колыханье курдюка.
Жизнь — копейка... Станешь зрячим,
пав под власть —
Чародейки, что горячей отдалась.
Не вкусил Гудзон и сонный Мичиган
Плова пыл, самсы исполненный ляган!
Я в честь каждой был готов стихи визжать.

(Чтоб однажды из тандыра убежать?..)

VI

Слишком вяло каботаж бредёт...
Мишка Чарный репортаж ведёт.
Мысли — скопом. Близь красным-черна
В перископах Чарного окна.
По-над миром реет то окно,
Пасть вампиров высветит оно,
Но — по сути — в лёд сгущает мрак
Неподсудный, честный этот зрак.

VII

...Я в окно глазами Мишки заглянул,
Ферганою — не из книжки — душу пнул.
Понял с милкой: время плавки засучить,
Чтоб бутылку кой-куда не получить...

Кира сын, бухой ферганинский мужик! —
Керосин разлил лихой, безумный бзык,
Эта вонь по миру станет нас кружить —
Как огонь обратно в спичку уложить?
Как молчанку нюхом нищих — разорвать?
Как турчанку из кострища отозвать?..
Как, скорбя... И как, любя — нащупать путь,
Как Тебя и как Себя — вперёд вернуть?
Мозг мой ранен, и в саду разбит пустырь,
Где Сусанин? Где храпит наш поводырь?
С ним всегда в огонь и воду враг бредёт,
Пусть и нас он к кислороду отведет.
Ферганой я искалечен и изъят.
...Если ноет —
кто излечит этот ад?

Пресню дружбы плещет в уши стародёжь,
Эту плесень не затушишь, ни — в балдёж.
И отрыги давних трюков в ней слышны —
Молодые руки есть у старины!

Затаились, и горды они собой:
«И вновь продолжается бой...»
Старым перцем молодой тандыр гудит:
«И сердцу тревожно в груди...»
Все томленья вмиг отброшены бедой:
«И Ленин — с такой молодой...»
Милке в брачну ночь бутылку не вводи, —
Иль вновь Фергана впереди?
В думах — гром... Надежды тают... Смена вех.
Ни погромы не прощаю, ни — усмех.
Гимн Победе,
Миха,
 по смычкам бродил —
(Крюгер Фреди
 лихо
 сам себя родил...)

И случайно ль стали ножичком гулять,
Плоти крайней обрезание справлять?
И случайно ль Эры-дуры пробил час —
Плотью крайней стали турки в этот раз?

VIII

Это века наказание?.. (Бред молвы!) —
Обрезанье, обрезанье головы.
Занялся в больших умах большой смердец,
Это — эра обрезания сердец.
Потекла по миру беженства сума,
Это — эра обрезания ума.
(Иль затеяли парнишки аж с Лубя...
Эту эру обрезания себя?)

IX

Навои, очнись!
 Калям свой очини —
Этот криз в чернила окуни,

Заповедай мир несчастным землякам...
Но увы, таксыр**, молчит твой истукан.

Прочь с подножья!

Камень разбуди!

В бездорожье,

Поводырь,

сойди.

Бьёт эпоха. Больно бьют часы —

В арматуру новыя «Хамсы».

Материться —

повод

жизнь даёт —

«Пятерицы»

новой

Эра бьёт:

Общий рублик семенит ко дну,

(Пять республик сморщатся ль в одну?..)

Ты в себе Вергилия буди,

С Алигьери в Фергану сходи,

Для потомков в рифмах сбереги —

Топкие ферганские круги.

Сушь — рекой... В глазах левачит страх:

Круг какой назначит нам Аллах?

...Обрезанье пляшет свой канкан,

Чапаном не машет истукан,

Зной киряет мрамора парча,

И карнаи губ твоих молчат.

С Данте ли тебе не по пути?

Не желаешь в Фергану идти?

(«А в Намангане лямблички

Зреют автоматные.

Бэтээр не водишь ты —

Неприятно мне...»)

Я надеюсь, ты отменишь свой кошер,

Ты ж не Феликс, не железный Алишер...

Где литвнуки? Пусть примерят твой хомут,

Славя муки — тех, кто сраму не имут.

Пусть отмерят — вместо Данте — все круги.

Вся потеря — перемазать ичиги
Сажай сада, что отрублен от лозы...
Вся утрата — обретение слезы.

С жаром пылким на прополку бечь пора —
Те бутылки, те осколки подобрать.

Х

Вздروгни ночью, совесть теребя:
Крайней плотью посчитай себя,
И печально выдохни — как счёт:
Кроме крайней — есть ли что ещё?
Коль начнёт судьба палить мосты —
Первым крайним можешь стать ты.
Коль спастись ложью, то как раз —
Крайним статься может весь Каррас.
Навои, ты слышал? — Шар Земной
Объявляют Супер-Ферганой!
Так давай заглянем в щель — туда,
Где Инавгурация Бреда...

Поспешим устало заплясать:
Фер-газели стал Гомер писать.
Обобрав античный гастроном,
Ферга-навты шпарят за руном...
Предсказанья мастерски творил —
Не Архан...

Ферг-Ангел Гавриил.

Не своё ль паденье — чёрта злей —
Предсказал потом Фер-Галилей?
Ферга-лен всех мастерски лечил,
Ферга-стелло пулями строчил,
Ферга-гарин в космос нас свистал,
Ферга-фур Гулям евреем стал.
Ферга-сконец — бравый мушкетёр:
Как Фер-гайку, он миледи стёр.
Не страшась Голгофы Фер-галер,
Фер-Гапон дал Фер-гане пример.
Не ушли испанцы от потерь:
Лорка — лишь Ферга-рсия теперь.
Сорван глянец. Упразднён пардон:
Здесь испанец ныне — Ферган-Дон.

И во мне, ферганце, стонет тишь —
В голове вскипает фер-гашиш.
(Знать, дела ферганца плоховаты,
Коль умчал в страну Ферга-йаваты...)
Опасаясь фергана-глых краж,
«Форда» загоняю в ферга-раж.
Тырят и чужие, и свои —
Зенки шире, коп из Фег-ГАИ!
...День банален: поздно-позднотру
Ферга-зету в руки я беру.
Мимо рта hot-doga. я сую —
И давай фер-гавкать на семью:
«Не банально ль — утром, вашу рать,
Пер-орально дога принимать?!»
Чтоб ты помер, дог! Ты жестковат,
Миру в доме — вновь фер-газават...

...Стало жарко — будто съел харчо...

XII

Мне фер-Галка села на плечо,
Фер-галопом кровь моя бежит...
Стой, фер-гангстер! Брысь, Perpetuum жид.

Перышки фер-Галкины огладь,
Горлышко — сплошная... лобзадать!
Для фер-Галки где мешок зерна,
В коммуналке — что клюёт она?
Кем теперь уста её полны?
(«Слухами сыта?... Из Ферганы?..»)
Дым в глазах... Тандыр пустил часы,
Исполняя Партию Самсы.
Но не суй
 мне кодексы, Минюст,
Мне б самсу — размером с пятый бюст!
...Туркестан, ты мне ль статью нашёл:
«Далеко, братан, плясать пошёл,
Предал память Красного Отца,
Выбился в большого беглеца?..»

Ложь! Тандыра я не предавал,
Хуже — лиру киру отдавал,
Не водярой солью мозг кропил —
Бред бодяги добровольно пил,
На задвижки зенки запираю,
И вприпрыжку пламенно орал.
Книг пятнадцать честно накатаю,
Славя ****ство, хая Капитал,
И порой перо несла рука —
Впереди баранов и ЦК.

Потому себя я первым пну
За тандыра чад. За Фергану,
За красу, забитую в набег,
За самсу, забытую навек...
За стихи, которым рыгал,
За грехи (я скаутов ругал...)
За брехню, что ныне грянет в тлен,
За фигню, за тину, сети плен —
В шапиту та сеть меня влекла...
И за то, что был я — blah-blah-blah***

Высоко любил я падать ниц,
Лил хмельные взгляды на девиц...
Плотником — за плотские дела
Тёлка раз меня обозвала.
Не корил ознобу, не ругал —
Может, вправду, хорошо стругал?
Ах, подранок, дулась — и всерьёз,
Что рубанок я с собой увёз —

Сунул в «Боинг» — и бывал таков
Для Нью-Йоркских брёвен и станков...
Время — лес мой под посев палить?
Время — резать? Час — пилу пилить?
Крикну им: жёг Карму — не мосты.
Плотником таким не стань и ты!
Не линяй, Подранок. Я припру —
Не меняй Рубанок на Пилу.
Лес огнём неясным не тревожь, —
Масло мнёт тупой и скорый нож.

Чтоб тандыр не помер — кровь прижги,
Личный... Третий... номер... сбе-ре-ги...

...Тлеют нити... Сон мне объявил:
Тварь-Учитель Галку отравил —
Таки помер...

Карма, честно вой:
Третий номер нынче — нулевой?..
Я вчера студёным сном пылал:
Чёрный bra Ташкент в Нью-Йорк прислал
Чудо-лифчик вороной красы,
В хладных мисках — жгучие самсы...
Я самсу в духовке отогрел...
(Я б её и ледяною съел!)
Разломил — и в трепет:
прянул в сны

Чёрный пепел

красной Ферганы...

Из посылки ножны я достал —
В них шашлык тревожно заблистал:
Не халтурка льнёт к пожару уст —
Слушай, урка, сердца крали хруст!
У посылки я нашарил дно —
Там в бутылке ярилось вино,
Лейбл узнал... Зачал приказ читать:
«Муть не трогать! В группе не болтать!..
Не цедить и в ступе не толочь,
Цезарю отдать, коль грянет ночь!..»

XIII

Муть в колодце... Закуси губу:
Не вернётся дым в твою трубу.
Сдохла дружба.. Пой же, стародёжь:
Не задушишь, если в горле — нож.
Ах, Есенин! Будь, как был, седым-
Всё прошло, как с улиц горький дым.
«Мёртвых просят не качать права...»
(Стёрт Иосиф — формула жива)
Метод туп, а значит, свеж и лих,
Этот труп — живее всех живых).

Всё в крови.

Есенин, пуст стакан,
На золе зови плясать Дункан,
Танцовщиц поджилки так сильны...
Шаганэ — боится Ферганы?

XIV

Раз во сне,
как Кушка,
я упрел —
В Фергане частушки подсмотрел:

У моей милёнки Нинки
Хахаль — лидер «Бирлика»:
У неё в любой ширинке
Есть всегда своя рука.

Мы с тобой в одной пивной
Своей гордились страной.
Где теперь ты пиво пьёшь,
Кому гордость отдаёшь?

Просит Милка — (ну, атанда!)
На карнае Брамса:
«А не то уйду я в банду,
Курбаши отдамся».

Я милёнку говорю:
«На три буквы ты пошлю!»
Он оделся, выполз вон,
Оказалось — сбег в ООН.

А вчера за «Нью-Йорк Пост»
Поднялся в кибитке тост —
И ничто другое, братцы,
Не желало подниматься.

XV

...Отпеваю драму лес спилив,
Отпиваю — грамма не налив...

Я в бегах — угрюмый, блудный сын
В родниках жирует керосин.
Родники спалив — спалил меня
Пьяный пыл ферганского огня.
Явь отняв, алкает взять и сон —
Подсылает в ножнах закусон!
Будь те пусто! Как перенесу —
Вместо бюста — лобызать самсу?

XVI

(...Говорят, однажды Падишах
Хитрому Манхэттену дал шах,
И теперь летит, не тормозя,
Вслед за пешкой — на хашар**** Ферзя.)

Поспешу на тот хашар с утра —
Мне главу на ланч закрыть пора.
Я ж закрыт открытием простым:
Без меня твой пятый стал шестым?..

XVII

Мой разбег сожрал ферганский ад.

XVIII

(...Я — узбек?.. Ограбленный пират?..)

IX

Пленник Кармы
Сбил с ланит восторг...

XX

(МИШКА ЧАРНЫЙ... НЕ ЗВОНИТ В НЬЮ-ЙОРК).

Ноябрь, 1992

* Гузапая — сухие стебли хлопчатника, преотменное топливо.

** Таксыр (узб.) — наставник.

*** Blah (англ.) — болтовня

**** Хашар (узб.) — совместная работа во благо соседа.

КВОТА ДЛЯ МЕДЖНУНА (*Мой голос Америки*)

ГОЛОСА

Сваи свои мы порушили...
Ухом в эфире гребя,
«Голос Америки» слушали,
И узнавали себя.
Век истекал устрашающе —
Всё утопил, что скопил.
...Мча на маяк обещающий,
Кресло на голос купил.
Злаку Гудзонова колоса
Я ли полезный привой,
Если в чаду его голоса
Голос не слышу я твой?
Новость на первую полосу —
Всем, кто мне в душу нырял:
Для обретения голоса —
Голос я свой потерял...
И телефонною шлюпкою
Сквозь океаны плыву...
Голос — соломинка хрупкая —
Держит мой сноп на плаву...
В «Дело» подшиты истерики,
Взрезав эфира броню,
Слушаешь голос Америки:
Я из Нью-Йорка звоню.
Так над собою фашиствую,
Душу звонками перчу:
Голоса шкуру пушистую —
Слышу...
И в голос... Молчу...

ТУКСОН БЕШ*
*(Попытка Мунажот**)*

...А когда плыл над Стиксом
крылатый паром —
Грёб не злато, а слёзы лопатой...
В девяносто втором,
в девяносто втором
Заварил девяносто пятый.
Я его заварил наубой, наповал —
Самаркандских разливов китайца.
Обгоняя озноб, в лаву губы впивал,
И в заварке зелёной скитался.
Сгнили лаги, и вдрызг провалились полы,
В чайхане вдруг нам сделалось жарко.
Чуя бой, затряслись наши две пиалы,
Задрожала крутая заварка.
Жизнь скрутил и скатал
шустрый жук-скарабей,
И — под хвост раскрылатой кобыле...
Талисманом наш чайник остался тебе,
Кипяток — пополам разрубили.
Мне тогда бы паром чемоданом пырнуть,
Чтоб убрался, крылами качая
И — с горячей тобою —
в прохладу нырнуть:
В кипяток неостывшего чая.
Чайник недогудел... Загорелся и стих,
Кислород перерезали Парки.
Нас с тобой разрубил Атлантический Стикс —
Гильотина солёной заварки.
Грузно кружит паром... Нету счёта виткам,
Что легли равнодушно и туго...
Может, соединив наши два кипятка,
Мы по ним опознаем друг друга?
Как такыр, сохнет рот, и глотает мечту:
Мы однажды от чар отобьёмся,
И повалим себя на златую тахту,
И узбекским китайским упьёмся.
Что теперь мы друг друга за это корим,
И терзаем, не веря и каясь?

Девяносто вторым...
Девяносто вторым...
В девяносто втором
на...ла...ка...лись...

1992

* Туксон беш — популярный в Средней Азии зелёный чай №95
китайского производства, лихо утоляющий жажду в адскую жару.

** Мунажот — заунывная песня-жалоба отчаявшегося лирического
героя.

КРИШНАИТЫ НА БРОДВЕЕ, ИЛИ РЕИНКАРНАЦИЯ **(Попытка мантры)**

На Бродвее бубен рьяный
В яви риз волшебных жарил:
Харе, Рама! Харе, Рама!
Рама, Рама! Харе, Харе!
...Выросли они неслышно,
И я замер, как в ударе...
Харе, Кришна! Харе, Кришна!
Кришна, Кришна! Харе, Харе!
Я за ними плыл упрямо,
Губы пьяно повторяли:
Харе, Рама! Харе, Рама!
Рама, Рама! Харе, Харе!

Шли грудные аксакалы
И младенцы пожилые,
Мимо плыл Бродвей — устало
Зарулив к напеву выи...

Зыбы!.. Легенда!.. Голограмма!.. —
Всех наверх она свистала:
Харе, Рама! Харе, Рама!
Рама, Рама! Харе, Харе!

Не из снов ли взвод их прибыл?..
Их шатёр манил педантов
У подножья чёрной глыбы —

Улья юрких эмигрантов,
Что везли в Нью-Йорк по драме,
Отовсюду дёру дали.
Харе, Рама! Харе, Рама!
Рама, Рама! Харе, Харе!

Не пытаются, ям не роют —
Исцеляют болью души,
Всех прохожих успокоят,
И напоят мантрой уши.
В вечном бубне прячут средство
Укротить любое вече —
Тех, кто здесь стареет с детства,
Тех, кто вырос издалече.
Тех, кто небоскрёб разрушил,
Обратив любовь в обиду,
Кто купил, как Фауст, душу
И продал её Аиду,
Тех, кто дурно замуж вышел,
Дал возлюбленной по харе...
Харе, Кришна! Харе, Кришна!
Кришна, Кришна! Харе, Харе!

Ты мостишь мои дороги,
Сокровенный ключ мне выдав,
Научив топить тревоги
В дивной мантре кришнаитов.
Способ первый... Метод крайний —

Трус легко явится смелым,
Мантрой вырубив сознание,
Став, как Космос, пустотелым,
Наполняя череп грыжей,
В спящий мозг уколы шпаря:
Харе, Кришна! Харе, Кришна!
Кришна, Кришна! Харе, Харе!
Как ответить даме пышной,
С Брайтон-бича тётке Carre:
Who is Rama? Who is Krishna?
Who is, извините, Харе?
Заодно и дядя Хаим
Помолчи — за Кришну слушай...

...Слыл он с детства шалопаем,
Крал бикини у пастушек.
А подрос, и стал плейбоем,
Подчинив пастушек думы:
Вняв его свирели —
 строим
Мчали на берега Ямуны...*

И ещё я вам открою
Кришны яростное хобби:
Был он тучей дождевою,
Чтобы души жар не гробил.
Той далёкою порою
Всем злодеям дал по вздрючке...
...Рама тоже был героем,
Бардов доведя до ручки...
Гость небесный к нам спускался
Под земные наши крыши —
Это Вишну объявлялся
В виде Рамы,
 в лике Кришны,
Опускайте ж, Сарра, рамы!
Краткий курс окончен, Хаим!..
Харе, Рама! Харе, Рама!
Рама, Рама! Харе, Харе!

Нас развёл не ЗАГС, а «Боинг»,
Но давно я докумекал:
Мы — любовники с тобою
Аж с шестнадцатого века!
Неразгаданная тайна
Убежит ещё далече...
Изначально-нескончальны,
Неслучайны наши встречи.

Небо развело сурово...
Но свирель всю ту же гну я:
Мы с тобой, как Вишну, снова
Аватару** ждём земную —
Снова двинемся по кругу
В новой жизни... В новом теле...
Неужели мы друг другу
Не смертельно надоели?..

Появились мы по благу
Древней первопорою,
Не Адамом ли была Ты?..
Рёбра у тебя не ноют?..
Океан на берег вылез,
Шёл как на ОВИР — стадами...
Бог в Нью-Йорк не выдал визы —
Дух носился над водами.
Непонятно, что приметил,
Как сработала подкорка...
Что искал он в Новом Свете,
Где и не было Нью-Йорка?
Жертва ль я первокаприза?
Если да — то как без мата?..
Догнала чужая виза —
Та, что дух алкал когда-то.
Жаль, что вновь разлука вышла...
Что ж, свидание наметим:
Коль в двадцатом веке — крышка,
Жду тебя я в двадцать третьем.
Всё слатаем, всё починим...

Как бы впредь ты пожелала:
Чтоб явилась ТЫ — мужчиной,
Чтобы Я — тобой пылала?
Доведётся ль воплотиться
Вновь
горючей нашей паре?..
Харе, Кришна! Харе, Кришна!
Кришна, Кришна! Харе, Харе!

В дивном сне легла на плечи
Рук твоих золотая сбруя...
Издалече... Издалече
В ветхих снах меня врачуешь,
Обещаешь диво-свадьбу:
Встретишь жарко в мире тонком...
(Может, раньше побывать мне
При тебе хотя б котёнком?)
Я крадусь к Нему неслышно,
Вопрошаю неустанно:

«Научи, великий Вишну,
Как вставлял себя ты в Раму?»
Знать, хватил вишнёвки лишку,
Как сауна — всем запарил...
Харе, Кришна! Харе, Кришна!
Кришна, Криша! Харе, Харе!

Видно, вспять пошли резоны
Для... Рашида аль-Гаруна...

И пилю по-над Гудзоном,
Словно он — моя Ямуна.
Знать, пора пастушек клеить:
Льну к свирели я и ныне,
Я купил её на «сэйле»
В музыкальном магазине.
С ней заплачу по дороге,
Заплатив налог подушный —
Может, с берега родного
Приплывёт моя пастушка?

Мой стакан залит слезами,
Так, что водки и не надо...
И глаза твои пронзают —
Семь тайфунов... Три торнадо...
Пособи же, Вишну правый!
(Кто иной рассвет подарит:
Харе, Кришна?.. Харе, Рама?..
Рама — Кришне?.. Кришна...ль... — паре?..)

1992

* Ямуна — река, на берега которой свирель Кришны томно скликала пастушек, в т.ч. и замужних.

** Аватара — в индуистской мифологии земное воплощение божества.

КУНДАЛИНИ*

Как и в прошлом, так и ныне —
Нет движения, увы:
Спит на старте Кундалини,
Не подъямля головы.
Память — ласковая сбруя —
В кровь истёрла душу мне...
Глупость — в голове жирует,
Мудрость залегла в спине,
Мы друг друга обокрали,
Я, конечно, первый тать...
Кундалини, не пора ли,
Бросив логово, восстать?..
Может, чем тебя обидел —
Молви правду без прикрас...
Я всю жизнь тебя не видел,
Ты моих не знала глаз.

Разлились ручьи рекою —
Как итоги близ пивной.

Глупость мастерю башкою,
Мудрость чувствую спиной.

Недопита только кварта —
(Что разбавлена притом!..)

Мудрость — козырная карта
К голове лежит вальтом.
Я гребу... Глотаю тину...
Сну внимаю наяву:
Показав прозреньям спину,
На спине
 назад
 плыву.

Пассажир я или судно?
... И ещё вопрос кипит:
Почему так беспробудно
Мудрости змеёныш спит?

Вздогни!..
Взвейся хоть на малость...
Гостем будь — подам я трап...

Кундалини разоспалась.
В тишине — истошный храп.

** Кундалини (миф.) — змея мудрости, открывающая спящие чакры и живущая в "бейсменте" позвоночного столба. Увы, не каждого сия Кундалини удостаивает своим пробуждением...*

КВОТА ДЛЯ МЕДЖНУНА

Дивно: беженцу крылья —
Что стрекозке броня...

Щедро приговорили
К анти-жизни меня.
Как крыла для полёта,
Как везенья сезон —
Мне дарована Квота
На Бродвей и Гудзон.
Вот застывшее фото,
В пропасть вольную шаг:
Я вползал в эту Квоту,
Как на бойню — лошак.
Как по фене ни ботай,
Топит душу прибой:
Был увенчан я Квотой
На разлуку с тобой.
...Мне б, Меджнуну, в субботу
Вновь очнуться с утра,
И прозреть — до полёта —
Что тревожная Квота
Лишь учебной была.
... Что меня — не кого-то —
Ищет Квота-Лейла.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА

Как коньяк,
 залитый в клизму,
Пыжился туман...
Из Вселенной Афоризма
Брызнул наш Роман...
Неземным сочился жаром
Солнечный металл —
Знать, себя ведущим жанром
Пухлячок считал.
Пылко на излёте лета
Ужинал Обед...
Грубо выслан на диету
Ласковый сюжет.
Затянув потуже пояс
На путях крови,
Мы смекнули:
 лишь на Повесть —
Фабула любви.
Повесть кувырком летела —
Как на танцы в клуб.
В коренастую Новеллу
Сбилась стая губ.
И выходит, нет отличья
Жанрам — как волнам,
Экс-роман раздался в Притчу
В назиданье нам?
Притче выписала квоту
Странная Страна,
Но в масштабы Анекдота
Юркнула она.

Пустота сгустилась пуще,
Брешь брони браня...
Жанром ты была —
 ведущим
По земле меня.

...Афористикой тумана
Спилены мосты —
Там, где были мы Романом

Под названьем —
"ТЫ".

УБИЙЦА ИЗ ЧУСТА (История одной приметы)

Тот миг на Судный был похож,
Когда искать спасенья глупо:
Приняв подарок — чустский нож,
Я содрогнулся — дело к трупу!..
Он для убийства испечён,
Иль дрожи невиновных пальцев,
Хоть в чудо-ножны заточён,
Как медвежатник в тесный карцер.
Боялся дара твоего,
Но, как котёнка, принял змея.
Ты причинила мне его,
Дурного в сердце не имея.
Увидел: нож порежет круг
И нашу вечность, и мгновенья...
Ещё увидел я: испуг
Тебя догнал как озаренье.
Ты вдруг плеснула влажный взгляд,
Догадкой жуткой обуяна.
Но не попросишь дар назад,
Как впрок не зашиваешь рану...
Я принял нож, его страшась —
Уже слегка, ещё не люто.
Арабская змеилась вязь,
Хозяина зовя к чему-то.
Был зов витой на сон похож,
На душный голос муэдзина...
... В объятиях душила нож
Влагалища его теснина.
Оно гасило стали звон...

Но пробил день, жара настала,
По знаку неба выполз вон,
И показал земное жало.
Дрожал остаться не у дел?..
Призывной вязи глас послушал?..
Не тронув схемы жарких тел,
Освеживал он наши души.
Был провиденьем нож ведом,
Не упредить его и матом.
Похоже, в жарком морге он —
Большой патологоанатом.

Но молвил гром, и я не мог
Не слышать режущего клича.
И знал, ещё струясь у ног:
Отныне мы — его добыча.
Увы, он лжи не обманул,
Когда шагнул я в гости к бедам...
Послушно нож в баул нырнул,
И поспешил за мною следом.
Убийца — только и всего...
Убил, и — следом... Как возможно?
Но «Шереметьево» его —
Узрев — отняло на таможне.
Знать, в нём учуял монитор
(Таможни окрик не напрасен):
Нож мирный на расправу скор,
И для Америки опасен.
Мой Боинг в облаках угас...
Но жало вновь увидеть жажду,
Твой нож... мой нож...
(Убийца — нас
За ножны посчитал однажды).
... Иль — быть ножом?
Суметь, как он,
Стать ожиданием тревожным?..
Не я ль — твой дар —
 в Нью-Йорк вонзён,
Как нож — в удушливые ножны?
Осталось жить, себя боясь,
Слагая, как короны, саги.

Стихи струя — как Чуста вязь
По острому клинку бумаги...
Я засыпаю... Нету сил...
Но давний дар незримо снится:
Он мне во сне ладонь пронзил,
В крови увидел я десницу.
Нож мигом в явь меня швырнул,
Перевернув бывшего глыбу...
(А я б десницу протянул,
А я б шепнул ножу: «Спасибо...»)

1992, октябрь

МИЗЕРКОРДИЯ*

Искал я покоя и неги...

А за

Окном, что косит на аллею,
Четыре прожектора жалят глаза —
Чтоб было ослепнуть светлее.
Лучей бандерильи быков моих злят
(Они б допекли и Гомера...)
Четыре прожектора спать не велят,
Четыре упрямых тореро.
Стекло и решётка — худая броня
Рабу, что бунтует смиренно...
В моих закоулках находят меня,
И строго влекут на арену.
Алкая ночи, выплываю на свет...
Молчанки чадит папираса...
Пред цирком незримым ищу я ответ
На неоглашение вопроса.
Я рабством возвышен, а волей прижат,
И слепну, лучи соглядая.
(Они, словно псы, гаражи сторожат,
Мне окна и душу глодая.)
Серьёзные, словно анализ ночи,
Как лазер — смертельны и тощи,
Грызут мои сны волкодавы-лучи
С завидной суровинкой тёщи.
Как их обесточить...

Смирить...

Оскопить?..

(Стать зеркалом — хладным и ратным:
Кинжальную стаю — в ответ — ослепить,
Укол возвратив пятикратно?)

Одеты Крыла...

Но Тора и Коран

Влекут мой корабль на сушу...

Весёлая стая танцует таран,

Взрывая и стёкла и душу.

Зачем они светом в окно мне плюют,

Одев прокурорские маски?

Вопросы...

Вопросы в упор задают,

Мои рикошета подсказки.

Пора бы на окна броню водрузить,

Которой — ни сбоя, ни сноса,

И мизеркордии ответ погрузить —

В смердящее сердце вопроса.

** Мизеркордия — узкий спецкинжал, которым поверженного рыцаря добивали сквозь жалюзи лат несчастного.*

СЛУЧАЙ СЕНЬОРА БАНДЕНЕЛЛИ

*(Пригласив некоего *Pietro Bandinelli* в качестве натурщика и желая писать с него *Иуду Искарюта* для "*The Lord's Supper*", *Леонардо да Винчи* вдруг услышал:*

— Маэстро, не узнаете? Однажды вы уже писали с меня Иисуса Христа...)

Бесплодны над высохшей речкой мосты —

Как книги неизданной строфы.

...А может, мы — только немые кресты,

Сбежавшие с кручи Голгофы?

Зовём — посочнее — и бабу, и кус,

Хитры до сердечного гуда...

На мне и во мне ль распинаем Иисус,

И жив информатор Иуда?

Лежу... Размышляю о жгучем. О том,
Чем Ева обязана Гаду:
Улегся Иуда ль к Иисусу вальтом —
Как пастырь к смиренному стаду?

Зелёный побег первобытной четы,
Чумею от слов и мотива:
Любимой моей золотые черты —
Обратный кульбит негатива?

И в миг, когда Бог,
Не замолвив словцо,
Столкнёт в невода биллиарда —
Чьё тело?
Чью душу?
Какое лицо —
Во мне разглядит Леонардо?

Иуды... Пилаты... Рабы суеты...
Царя среди хижин и скиний,
Радужно они распинают кресты
На взмывшем в бессмердие Сыне.

ОПЫТ

Живя величием момента
В краю, где тишь и благодать —
Сверхчистоту эксперимента
Призвал себя я соблюдать.

Потухла яви кинолента,
Век сполз — и с бабы, и с курка,
А чистота эксперимента —
В святом дерьме до кадыка.

НА МАНХЭТТЭН-БИЧ

Волн погромная семейка
Хороводит и дымит...
Топит мокрую еврейку
Океан-антисемит.

Я на пляже. Созидаю
В час по чайному стишку,
Но в погромщика впадаю,
Раскроив волне башку.

Утопающей каретой
От песка я вознесён...
Я утопленницей этой,
Правду говоря, спасён.

ДУАЛИЗМ

Праздник порушен,
Словно лоза:
Тёмные души
Слепят глаза —
И, неприлично
Бросив зенит,
Светлая личность
Ярко темнит.

БИНГО

Не могу остыть от ринга,
Где узналось — who is кто?
Проиграл тебя я в бинго
(Грубо говоря — в лото).

Ласковое поле брани
От тебя увёз — в края,
Где кружится в барабане
Дурь победная моя.

Не забуду...
Не отвыкну...
В зареве столиц и стран.
Приплыву, и — «БИНГО!» крикну.
Но заткнётся ль барабан?

ОРЛЁНОК-92

Неисправим, хоть четырежды тресни,
Хоть шмякни о стенку бокал:
Забавно пишу свои грустные песни —
Ушам, что не ищут вокал.
По Нью-тротуарам устало кочуя,
И вторя кружению гамм,
Мелодии бисер не зря ли мечу я —
Презревшим танцульки ногам?
А может, и вправду, поехала крыша,
И всё раздарил Казначей?..
Молчу —
но не Той, кто в молчании слышит
Медовую горечь речей.
...Ты помнишь, товарка, как пахло палёным,
Как век наши судьбы погнул?..
У власти орлиной — ослов миллионы,
Но я-то на бойню шагнул.

«НА ВАШ ИСХОДЯЩИЙ...» (Попытка заочной дуэли)

Мягко подползая, вздрогни:
«Надо ль
Пить гнездо — аки яйцо змея?»
В нём живёт не скорлупа, не пададь,
А тахикардия, кровь моя.
Сон поведал... И не отпирайся:
Мнишь, кружа оброненной тропой,
Поглотить оставленные яйца,
Щекотнуть трахею скорлупой.
В зубы — хвост!.. И уползи в сторонку,
Жря элиту своего гумна...
Ты пойми: она — моя тушёнка.
Я оставил... Мне лежит она...
Внял молитве импортного братца?
Марш по пузу колотить отбой!..
Может быть, она и хочет жраться,
Но, поверь, костлявый, не тобой.

Я теперь — жокей в заочной гонке:
(Через Океан клыки скоси...)
Знаешь, сам задай себя тушёнке,
У яиц оставленных спроси.
Сочиняя «Соло для Отбоя»,
Не дотла тревогу я избыл:
Может, увозя ключи с собою,
Дверь кладовки запереть забыл?..)

1992, декабрь

ЧУБ

Эта боль — от сердца, а не мысли...
Бороня молчания грехи,
Догадайся, что пишу я письма,
Притворяясь, что пишу стихи...

Угодив в невидимые клещи,
Тку стихов губительную гать.
Догадайся: я молчу зловеще,
Потому что больно правде лгать.

Тупичок, катил бы ты на убыль...
Ты ж в обиде почерк не криви.
Догадайся, что таращу губы,
Потому что глохну от любви.

Дни — хоть странно! — сделались короче,
А рассветы некуда девать.
Догадайся, что ищу я ночи,
Чтоб во сне мираж исцеловать.

Кисло спать... А просыпаться — люто:
Левый глаз алеет на Восток...
Догадайся: я себя запутал,
Чтобы ты распутала моток.

Чуб Пушистой коротко ль острижен?
Догадайся, отбежав ко сну:
Я его, любимая, навiju,
Коль стихами вою на луну.

... а пишу ночами... (Чаще — устно...)
Весело трясёт сума мощной...
Догадалась: мне местами грустно,
Хоть со стороны сплошным-смешно?

Притупила борону усталость.
Колея-паскуда пристаёт...
Догадался: ты не догадалась,
Что пора догадок настаёт.

Борона, заткнись — получишь взятку!
(Эдак всё порвать могу тобой...)
Загадала мне судьба Догадку:
Этот Чуб — и был моей судьбой.

1992, ноябрь

РЕБЕЙЯТ *(Омары)*

Ах, ребе, правду я скажу:
На трёх скамейках я сижу,
И ни с одной из них расстаться
Доселе сил не нахожу.

Но две из них уже вдали,
Их кило-мили замели.
Одну пишу — она со мною,
А две ханум — на ум пошли.

Там близ одной... Едва дыша,
Внимала щебету душа...
В былое ухнула скамейка,
И лис повис, каприз душа.

В спасеньи мне не откажи,
Язык целебный отвяжи:
Я не раздвоен, а расстроен —
Как поступить, мудрец, скажи.

Я — на загадочной войне,
Где мой ишак не на коне...
Из действий — только вычитанье
В удел осталось, ребе, мне.

Не удалось сложить и две...
(Стихам согласно и молве
Хайям нимфеток — без дискеты —
Держал в рукастой голове).

В унынье наше яд струя,
Увила чашу мысль-змея:
Смог засосал мои скамейки, —
И смог не смог развеять я.

Себя разору отдавал,
И ветру в злобный фас плевал,
И от скамеек от медовых
Себя я с ульем отрывал.

Измерить глупь не сможет ГОСТ,
Итог суров, хоть метод прост,
Я плачу — пусть не я придумал:
Где стол был яств — кишит погост.

Тот стол давно уж не ухан,
Как будто курбаши*, Пахан
По яствам в сапогах прошёлся,
Круша хрустальный дастархан.**

За ним уже мне не сидеть,
В иной шофар могу гудеть,
Рожок пора к губам приставить —
Сумел верблюда в ушко вдеть.

Я, ребе, лишь одним живу,
Одним лишь грежу наяву —
Главу сей повести закончить,
Посыпав пепел на главу.

Мне, ребе, ясно отпиши:
Кто рушил Храм моей души?..
Не я ли сам громил скамейки,
Не я ли был тем курбаши?

Ушами чашу пригубя,
Испил до донышка себя...
Верни мне... хоть одну скамейку —
Молю, Екклезиаст, тебя!

...Но хохотнул Екклезиаст,
На мудрость вечную горазд:
«Проходит всё — пройдёт и это,
Лишь гроб добычи не отдаст».

Ах, голова! Чугунный пух...
Святые тени нежных шлюх...
Замолви, ребе, хоть словечко —
За тех, кто обратился в слух.

Спокоен ребе бледный лик:
«Недуг зовётся homesick...***
Глотни, приятель, тайленола:
Снимает он и нервный тик...»

* *Курбаши (узб.) — вожак, атаман.*

** *Дастархан (узб.) — угощение.*

*** *Homesick (англ.) — тоска по родине, ностальгия.*

ИСИРИК*

Помолчи, душа!.. Мутит от крика,
Я с тобой ругаться устаю...
Хрупкие слезинки исирика
Выплакал конверт в ладонь мою.
Чую кудри пряного тумана,
Кличет так — хоть сухари суши...
Избранные всхлипы веток пряных
Отломили кляпы от души...
Сердце воет... Пальцы — песни пляшут,
И до слёз — сбегаются в ладонь.

Караул неся в ковчеге нашем,
Исирик пасёт чужой огонь.
Не даю сорваться с крюка крику,
С языка сдирая все три шку...

Подволок я спичку к исирику,
Размотав бикфордову башку.
Дым сгущался... Возвращал Анналы...
Соблазнял — как вкусная блесна —

Хрупкую истерику финала
Закатила мне в конверт весна.

** Исирик — гармала, испанд. По верованиям, сладковато-пряный дым этого растения отпугивает демонов, охраняет удачу. Пучки исирика прикрепляют у стены, они — стражи здоровья, покоя и любви.*

АЛЛЮЗИИ

*«Средь шумного бала, случайно...»
А. К. Толстой (1851)*

Прошла случайная коса
Средь шумного, дурного пала,
Где в винограднике — Лиса
Хвостом — пушистым мне — витала.
Но тонет в далях мутный взгляд —
Туда летя неодолимо,
Где стал золою виноград,
И где Лису сокрыли дымы.
Как Дант — змеюсь кругами сада,
Грущу в фантомные усы,
Смешав и холку винограда,
И сорт изысканной Лисы.
Теперь кишмиш в стихи пакую —
В жестокий сок быльё впаять...
Пью по складам: «Лису... Такую...
Мне... здесь...вовек...не...настоять...»
Ворчит бутылъ. Набухли струи.
Как демократ, шумит камыш.

...Лису — пушистую, бухую
Отведать загадал, Кишмиш?

ТАНКИ НА БРОДВЕЕ

(Робкая попытка быть навеселе)

Раз на Бродвее я трезвел по пьянке,
Взвёл капитал, и все спустил курки,
Хоть налетай, одев чулок —
на банки!..

Но тут пошли, загрохали танки* —
Из всех стволов посыпали... стихи.

Я их струнил: струите, танки, тихо,
Не можно службам повод подавать...
Япона мать!.. Знать, рыхло знают лихо:
Вдруг расцвели, как во поле гречиха,
И лезут — как любовник на кровать.

Мигнул Словарь — тотальный мой приятель:
"Зачем рифмуешь? — это не в струю..."
Не разомкну рифмованных объятий —
Я — знаменитый русский покупатель:
За цент охотно доллар отдаю.

Ещё недавно был я твой заочник,
Шептал в анкете жгучие слова:
Бродвей, мол, наш Второй Первоисточник,
И — Острова бессменный позвоночник,
А Остров — всей планеты Голова.

И вот я здесь — участник очной пьянки,
Повсюду на закуску хряк... Хитёр!..
Антикошер съешь?!.. Нацелю танки,
И женщин, что повально иностранки,
Я увлеку в свой танковый котёл.

Скажи под дулом: кем тебе поручен
Локальной вертикали вздорный форс?
(Такой худой!.. Такой — местами тучный!..
Такой — не мой... Такой немой и скучный
Манхэттена весёлый контрфорс!)

Круша ежи, торосы и заторы,
Уже в английском начинаю толк.
Учусь — как скаут — заводить моторы
В стране, где и проходим светофоры,
И человек человеку — "walk"**. .

Сыты витрин рыгающих развалы,
Всего везде филеижды-филей

А я вчера тянул по Гуглу тралы:
Скроить омлет — пахать декаду мало:
Яиц плеяда — килограмм рублей!

Швырнём яиц?.. Взорвём тюрьму говенья?
Не тот снаряд!.. Крути, Бродвей, колдуй!
(Омлета помню чудное мгновенье...)
Их не спасёт омлета мановенье,
Ни мой гуманитарный поцелуй.

Товарищ Трамп! Покинь богинь бикини,
Пусти слезу... Останови часы:
Свободно конвертируя гордыню,
В своих мехах любовь на солнце стынет,
Купив рассвет за палку колбасы.

Плесни, Бродвей, рассолу трезвой пьянке,
В стволы судьбы засыпан соли пуд —
Пуд за ночь съем...

В окопы спозаранку...

Скажи:

мои рифмованные танки

В последний миг...

Любви мои —

спасут?

Ты — озорник, Бродвей!

Верши поступки.

И в кривизне —

невиданно прямой —

Неодолим твой позвоночник хрупкий...

(Когда бы шест такой подали Бубке,
Запрыгнул бы малец в Донецк — домой?..)

Виновен я —
 пред теми, кто на бровке,
Кого объехал, душу истребя...
Все танки — в переплавке... в перековке... —
В бою, где манекены —
 шибко ловко
Сбежав с витрин —
 людей... взамен себя...

И вот уже в кювет скользит подкорка,
Залиты баки, что от рифм бухи...
Говей, Бродвей: храпи, как Службы, зорко.

(...А будь я губернатором Нью-Йорка, —
Строчила бы губерния стихи!)

1992, ноябрь

** Читатель мой! Разумеется, я не забыл, что (и в диаспоре!) японская строфа танка — суть нерифмованное пятистишие. Попытка же объяснить кривизну поэтического пространства, похоже, предпринята в первой строке, адекватной явке к читателю с повинной...*

*** Walk (англ.) — сигнал светофора: идите, путь свободен...*

ХОРОШО СИДИМ

*Дело было в скверике, близ знаменитых и в ту пору живых 110-этажных дылд Всемирного Торгового Центра.
В сумерках я присел на край скамейки, уже занятой джентльменом.
Приглядевшись к соседу, я... расхохотался: это был не живой человек,
а ловкая мистификация скульптора — Железный Статуй Сидящего Прохожего...*

Нас свела эпоха,
Хладный нелюдим:
Мы ходили плохо —
Хорошо сидим.

Сел ты, парень, видным —
По толпе сужу.
Я ж полвека — сиднем
По судьбе хожу.

Знаю — спозаранку
Занял свой бивак:
Поиграть в молчанку
С толпами зевак.
Даже мэр не вправе
Бомжа сплавить в морг,
И тебя забавит
Уличный восторг.
Не обрыдло, парень?

(Знаю по себе:
Я и сам приварен
Зодчими... К судьбе...
Навожу ли шармы,
Езжу иль хожу —
На скамейке Кармы
Я стремглав сижусь.)

...Сгорбился устало,
Взор — колчан вражды
По вопросу ль малой,
Но, пардон, нужды?
Ясно — дело туго,
По глазам сужу.
Эй, рули за угол —
С кейсом посижу.
Туч на горизонте
Тоже не слышать.
Подежурю зонтик,
Жми струёй махать.

...Тут и дождь закапал,
Заломил струю.

Истукану шляпу
Я надел свою.

Парень медной расы,
И не вздрогнул ты...
Наточил я лясы
Аж до остроты.
Тронул осторожно —
Не пораню ль стих?
Ими резать можно
Ворогов моих!

Дождь угас.
Печали
Уволок с собой.
Славно помолчали.
Мы... Наперебой...

... Ночью сон достался,
Как шампур — прямой:
Я — сидеть остался,
Ты — рванул домой.
Дал из сна я драпу,
Чтобы снять скорей
Грех забытой шляпы
С головы твоей.
Не скули народу,
Мол, промокнешь спать:
Хлынет непогода —
Одолжу опять.

По слогам три вздоха
Прошлomu кадим:
«Мы... ходили... плохо...»
(Хорошо сидим!)

1992

"ДЖИДОВСКИЙ МОРДА" (Попытка дастана)

1.

...Газеты у прилавка я листал,
Устало пробегаю сплетен орды.
Поднял глаза – и лед язык сковал:
Ведь киоскёр... –
 да это же Джалал!..
И я шепнул:
 «Привет, Джидовский морда!».

Он встрепнулся... Вспыхнули глаза...
Я рисковал... Я наудачу ставил...
И вдруг – обвал... И в голосе слеза:
– Excuse me, сэр!..
С-салам алейкум, Павел!..

2.

...Дехканин от конюшни и сохи,
Он греб навоз,
 как я слова, – лопатой,
И приносил без усталости стихи
В газету, где работал я когда-то.

Стихов арык на стол мой набегал,
Топя в абсурде голову больную:
Он русские... подстрочники слагал,
"Мучительную стадию" минуя...

Шутили мы: «А где оригинал,
С которого ваяешь ты ночами?».
Но он лишь виновато пожимал
Могучими дехканскими плечами.

...Поэт наш страстью тайною пылал:
В их махалле жила еврейка Сарра, –
Ее мечтал взять приступом Джалал,
Не слыша ропот гневного базара.

Он был в библиотекаршу влюблен
(Из сектора «Газетные подшивки»):
С мышонка ростом, сей «укрепрайон»
Манил джигита – что котенка сливки.

Он ей дарил букеты и духи,
Шальных деньжат переведа немало,
И вот придумал:
 надо, чтоб СТИХИ
Сама в газете Сарра увидала!

Меня –
 как дефицит –
 Джалал достал
(Такой – почище НЛО зависнет!):
«Ты напечатай, Паш-ака, дастан –
От русская язык любоп зависит!
Давай – моя стиха печатай срочный!..».

...Пружиной рифм я взвел беды курок,
И тюнингу подверг его подстрочник,
Ужав дастан в двенадцать щуплых строк.

3.

Заслуга ли моя, или вина, —
Но вдруг на лад пошло у парня дело:
В то утро на охотника она
Уже глазами серны посмотрела.

Увы,
 Джалал умножил мой грешок:
Решив, что подвиг требует награды,
Джиды в газету приволок мешок –
Медовый дар его большого сада.

...Дождлся наш Ромео гонорара:
Склонилась шаль к дехканской тюбетейке,
И с якоря снялась неслышно Сарра –
Медовая бухарская еврейка.

И столб зацвел. И налились плоды.
И вот Джалал, в удачу веря твердо,
К ее ногам сложил мешок джиды...
...Мать прокляла сына: «Джидовский морда!».

Слова... Слова... Вы – зодчие беды!
Сверкнул в ночи топор в руке дехканской...
К рассвету трупы срубленной джиды
Лежали – как герои на гражданской.

Убийство сада – вечный мне укор,
Джида и Сарра – только два аккорда...
Но в махалле без устали с тех пор
Шептались: мол, Джалал –
"джидовский морда!..".

4.

Я знаю – правда выросла из врак,
Восстал дувал – затем, чтоб крепость пала...
И правил из Парижа Бержерак
Слепым дублером зрячего Джалала.

Не мой ли стих
 медовый сад свалил
Рукой убийцы – ледяной и цепкой?
Не я ль раздора пламень запалил,
Не я ль невольно Сарру сделал щепкой?

Не я ли жизнь у сада отнимал –
Как топором – стихоплетеньем ловким,
Когда узбек еврейку обнимал
Ручищами лихой моей рифмовки?

Опасны, рифматизм, твои дела:
Который год кипит большая драка –
Затем, что Сарра сердце отдала
И. о. стихов и. о. де Бержерака...

5.

...Сады бывшие
 скрыла пелена,
Застили небо
 грозовые тучи...
Не от моей ли торопливой ручки
Брала разбег гражданская война?

Иссяк Союз...
 Заволноваласьмышь:
Как жить, коль из-под ног уходит норка?
И увезла Джалала. Не в Париж –
Пролег их путь до самого Нью-Йорка.

6.

...Он встрепенулся... Вспыхнули глаза...
Я рисковал... Я наудачу ставил.
И вдруг – обвал... И в голосе слеза:
– Excuse me, сэр!..
 С-салам алейкум, Павел!..

Фортуны недалет иль перелет?..
Знай, махалля, – побил Джалал рекорды:
На Брайтоне газеты продает
Известный вам джигит «Джидовский морда».

Уртак-товарищ... Ныне – господин...
Спросил –
 как наградил под дых подарком:
«Ты почему на Брайтоне один?..
А где твоя еврейская бухарка?..».

За тот «дастан» – невольню сдачи дал?..
Я на Джалала, каюсь, глянул косо:
Как нежно он мне в душу наплевал
Оригиналом русского вопроса!..

...Джида моя!.. Спасенье ль в топоре?..
Мне б в океане прорубить оконце:

Я – здесь,
а щебетунья – в Бухаре, –
Мое, увы, невыездное солнце.

В баул тебя тогда бы запихать,
Чтоб здесь, в раю, шайтанам стало жарко!
Мне б кетменем Атлантику вспахать,
Спеша к тебе, еврейская бухарка!

7.

...Я весла над Ист-Ривером сушу,
Но – с топором во мне мыслишка бродит:
Не я ль теперь подстрочники пишу,
А поводырь-Джалал их переводит?

С его подачи – пячусь я назад...
Как будто бы узнать на Брайтон вышел:
Не я ль свалил и свой джидовый сад
И падалицы воплей не услышал?

Предав стихи, я поменял судьбу...
Скажи, Джалал, теперь-то ты доволен:
Уже не ты, а я навоз гребу,
Уже не ты, а я бухаркой болен.

Земляк, узбе-риконец от сохи!
Запри киоск
и посоветуй срочно:
Как мне вернуть почти мои стихи,
Кому отдать совсем чужой подстрочник?

Лишь здесь, джида, я твой диктат признал.
Теперь мечтаю, жалкий полуночник,
Что жизнь – пока что не оригинал,
А долгий предварительный подстрочник.

Джида, джида!.. Твоим нектаром пьян...
Не это ль – без решенья теорема?
Отдай бухарку, минарет Калян, —
Освободи из своего гарема!

Я косточки джиды слагаю в ряд –
Укрепрайон своей мечты бредовой:
Поднять с любимой здесь джидовский сад
(А может, – загляну в словарь, – джидовый)...

Калян*, ты не знавал разлуки с Арком**, –
Верни ж мое спасенье от беды:
Медовую еврейскую бухарку
С чуприной цвета спеющей джиды!..

8.

...Я дальше брел, замыслив ерунду,
Что грусть шепнула горестно-игриво:
"Купи-ка, брат, на Брайтоне джиду –
Нектар американского разлива...".

Всего лишь шаг – и, спелостью дразня,
Два паунда бордового нектара
Притягивают, как магнит, меня...
Ко мне кассирша обернулась... –
Сарра!..

Да здесь знакомцы все, почти родня...
(Вот только солнце в Бухаре осталось!..)
Спросила Сарра:
– Помните меня?..
– Excuse me, miss...
– Excuse me, обозналась...

С ней говорить – ни слов, ни слез, ни сил...
За память заплатив валютой твердой,
Я ел джиду,
и ту джиду любил,
И обзывал себя
джидовской мордой...

P.S.:

...В Нью-Йорке у джиды иной нектар,
Здесь доллар, а не рифма жизнь колышет:

Стихами на тахту не валят Сарр,
И потому стихов
почти не пишут...

* *Калян – древний минарет в Бухаре.*

** *Арк – цитадель эмиров Бухары.*

ПРА-ПРА-ПРАВНУЧКА ПУШКИНА, или КАК Я БЫЛ ЗАΙΚОЙ **(попытка дастана)**

...В тот день тоскою горло захлестнуло,
Я не желал иметь с собой дела...
Но – негритянка
память протянула:
Она язык мне русский подала.

Я в Бруклин плыл, доверившись сабвею,
Свой инглиш разговорником питал.
(Коль языком, как будущим, владею, –
Как объясниться, мистер Капитал?)

Заветный офис – что Ковчег Завета...
Я на Исход надеялся едва...
Был листопадом средь чужого лета,
И вдруг – росой живительной – слова:

– Вы из России?
Я – немножко – тоже.
(Исповедимы ль Господа пути?!)
Не беспокойтесь, земляку поможем!
Зачем вы здесь?
– На... в-вэлфер* перейти.

Была черна – как агнец на закланьи,
Всесильна –
словно Дух, что агнца спас.
И исходило черное сиянье —
от головы,
от риз ее
и глаз.

– Знаком вам русский?.. Миссис, Бога ради!..

(Изгнаннику

с плота – попасть на бал?!)

– Все просто:

Пушкин –

мой пра-пра-пра-прадед,

У нас ведь общий предок – Ганнибал.

– Но расскажите, леди, как случилось,

Что вам сияет русская звезда?

– Все просто:

в Ленинграде я училась, –

Так называли мы его тогда...

Во мне былой мечтатель востепенулся...

Благословен ваш светлый черный лик!

- Ах, мой язык... у вас пра-пра-проснулся,

Его бальзам в меня... пра-пра-проник.

Богиня справок, вэлфера и пенсий,

Моих ушей печали утоли!..

– Как звать мне вас?

– По бабушке я – Нэнси,

Но на Неве друзья прозвали –

Натали.

Нет, Натали,

вы раньше – Афро-дита,

И вам Гудзон – брат Нила и Невы!

В моих глазах вы – в пене знаменитой,

Согласно давней истине молвы...

Богиня, этот миг – веков дороже:

Как Пушкин наши переплел пути!

(«Я Вас любил, любовь еще, быть может...» –

Важнее, чем на вэлфер перейти...)

Зашлось согласие наше в долгом споре,

Ласкал мне слух любой ее вопрос, –

Но в уши вдруг хлестнуло:

– I am sorry...

Прошу простить: зовет товарищ Boss...

Оставив на бумаге закорючки,
Я из подвала выбрался на свет,
Где шли толпой пра-пра-пра-пра-правнучки,
Не зная, кто их пра-пра-пра-прадед...

...Ночами слышен клёкот дальней плахи,
И гасит Родина давно фантомный свет.
Ее пустили мы пра-пра-пра-прахом,
И никому пра-пра-прощенья нет.

Свободен я – как воздух на аркане,
Аркан порвут, а воздух помянут...
Мне протянули горький пра-пра-пряник,
Но я-то знал, что это – пра-пра-кнут.

Я изменился так, что – снова прежний.
Взойди, мой Вифлеем, моя беда!..
Ведь мы в любви клялись друг другу вечной, –
(Так называли мы ее тогда...).

Верней удавки – хрип победной песни,
Победы этой – век не замолить...
«Я к Вам пишу – чего же боле...» –
Нэнси,
Пра-пра-правнучка,
Бог мой,
Натали!..

...В сто этажей теперь моя избушка,
Былых тропинок нету и следа.
На полке
сиротливо зябнет Пушкин... —
(Так называли мы его... тогда...).

Январь, 1993

** Вэлфер – временное пособие, выделяемое для новоприбывших легальных иммигрантов.*

ИСКУССТВО ЕСТЕСТВЕННОГО ОТПОРА, ИЛИ УПРЕЖДАЮЩИЕ РЕДАКТОРСКИЕ РЕМАРКИ НА НЕВОЗДЕЛАННЫХ ПОЛЯХ ЧАСТНОГО ПИСЬМА

(попытка дуэли)

О, мой Дарвин! Не надежды тают —
Тает твой естественный отпор:
Мне твоих ремарок не хватает...

(«... Павел! Павел! Явный перебор...»)

В репликах заочных мало проку,
Но — реки: сумею суть схватить:
Ведь возшла твоя Звезда Востока,
Чтобы прочим звёздочкам светить,
Чтоб раздать себя блаженным всем,
Алчущим Спасение в России...

(«... Может, я — как новый Вифлеем —
Укажу явление Мессии?»)

Подскажи, Редактор! Бога ради,
Цент совета, думаю, подашь...
Что нам в жизни постоянно гадит?

(«... Глупый пенис. Мудрый карандаш».)

Сущий ад швыряет нас туда,
Где надежды мы лелеем липу —
С боем брать большие города...

(«... и посёлки городского типа».)

Кто теперь я —
закадычный враг,
Что в себе пронзил бывшего гада?
Родины Заслуженный Чудак?..

(«... Этот образ подготовить надо».)

Спорят пусть с тобою, гордецом,
Трупы моего бывшего смеха...

(«... тут противоречье налицо:
Старичок, ведь ты же Сам уехал!»)

Но — гляди в глаза! Каков итог?
Согласись, что спор уже не нужен —
Родина уходит из-под ног...

(«... Родина уходит? И к кому же?...»)

На каком проклятом вираже
Тормоза Эпохи опоздали?
Предали её мы тем уже...

(«... что, смолчав — себя... себя... предали».)

Сивка круто горки укатал,
В кабаках Страну спустил по пьянке...
Ну а ты-то, трезвый, где витал?

(«... Знамо дело: Чижик — на Фонтанке».)

Амплитуду женских колебаний
Нам с тобой вовеки не понять.
Сердце Леды — поле нежной брани,
Юбка Леды... —

(«... это надо снять!»)

Вновь ты карандаш гремучий вынул,
Но мой яд и мёдом не сгубить.
Ты в чулан свой черновик закинул,
Чтоб чужую рукопись любить?
Не тебя ль я Леде причинил,
Лбом пробив Нью-Йоркские причалы?
Вновь кипит в тебе прибой чернил?..

(«... См. строку вторую от начала».)

«Тает мой естественный отпор?..»
Истребив себя, хватил я лишку?..
Перевёл дуэль в заочный спор?..

(«... Угадал! Талантливый мальчишка».)

На неё нацелен ты опять,
На неё перо твоё восстало?
Или обратилась Леда вспять?..

(«... или на Бродвее тёлок мало?..»)

Рухнул матч...
Как хочется играть!..
Как вернуть к истоку рейс порожний?
Лучше это в голову не брать.

(«... А куда ещё, простите, можно?»)

Наши мерки низко высоки.
Донор мой, алкай и дальше — лично
Взять мои записки за грудки...

(«... Ха! Конфликт хорошего с отличным!»)

Экс-помехи уломать ты скор:
В грудь лягнуть — чернилами — умеем...
Тает наш естественный отпор,
Друг без друга легче мы слабеем.
Ах, мой Дарвин! Душу мне не мни —
Испита, испытана, избита...
Если перья чешутся — лягни.
Жду репризы...
Крепко жму...

(«... копыто?..»)

Вновь открыт закрытый наш финал.
Дарвин ли содеял эту лямку?..
С рукописи бойко начинал,
И пришёл, как все...

(«... к борьбе за Самку!»)

1992, октябрь

СОН РАЗУМА, ИЛИ ИЗБРАННЫЕ ОФОРТЫ В КОЛЛЕКЦИЮ Г-НА ФРЕЙДА

"Нужно создать хаос в себе, чтобы дать рождение пляшущей звезде".

Ницше

МЕЛКИЙ КОСМОС

(Лист № 1)

В капкане сна...

От прямоты — косой,
В несладкой новизне моей Сахары
Бродил я — одинокий и босой,
Антенны стоп вбивая в тротуары,
Брёл под прицелом окон — жутких дул,
Готовых жахнуть пулей и банзаем.
...Глубокий Космос жарко в пятки дул,
Невидимые гейзеры вонзая.
Сон тротуар в лепёшку раскатал,
Ведя как папуасову пирогу —
Чтоб щедрый Космос голодом питал,
Толкая пережёвывать дорогу.
Ночной Нью-Йорк гуляке-парню мал...
Он бил лучами восходящих паток,
А я был дартс, и стрелы принимал —
Босою пастью разъярённых пяток.
И был мне мил — как Карпову Корчной —
Ночной Нью-Йорк, где восходил Короной
Чечёточник нестерции* ночной,
Остыв на шкуре магмы раскалённой.
Был зол мотив... Но он — и мне божок,
И всем, изъятым как кора у липки...
Я гимн слагал, и я им нёбо жёг —
Слагалища в промежности улыбки.
...Так я дремал к любимой три часа,
Продув быкам и в жизни, и в корриде
Я спал и видел: ты — насквозь боса,
Я спал и видел: ты — и спишь, и видишь.

Сон грыз меня.

Я был его мацой,
Искусанной и сладостно, и люто...
Проснулся —

весь исколотый...

босой.

А за окном струил Нью-Йорк обутый.

...В твоей Сахаре я узрел чертог,
Где ты, сломав стихов моих лекало,
Очнулась без меня, и без сапог,
И шла... И пяткой Космос окликала.
...Плескались реки, хрюкая в корытах.
Дремал Нью-Йорк, потягивая смог...
(...Когда бы выйти — мысленно — он мог
В Открытый Космос Нас —
 от Вас сокрытых!..)
И сон, и кайф прохладных стоп шугнув,
Рассветный луч смотал в тугой клубок их...
А Мелкий Космос,
 в телескоп шагнув,
Уже смотрелся — лучшим из Глубоких.

** Хожdenие босиком по горящим углям (болгар.)*

ЛАОК-ООН *(Лист № 2)*

Мне довелось познать блаженство парий:
...Узнав Число, что гнал мне Первый Зверь,
Влачу глаза в вечерний серпентарий,
И отпираю отпертую дверь.
И вдруг застыл,
 в альков ступить не смея,
Страшась врагов — как черви бороны...
Текут лениво ласковые змеи,
Объятья тел свивая в буруны.
Свирепый сон... Шпаргалочные сцены...
Ужель мой Рай — нора?..
 Змеиный лаз?..
Устлали змеи потолок и стены,
И заменили на полу палас.
...Ночами напролёт перо топыря,
К бумаге глупой голову креня,
Не знал я, что живу в синхронном мире,
Где есть и змеи — вопреки меня.
Обратно — сон...
 И вновь ползёт колонна...
Любовь готова, и берёт левей...

Им не слабо — сожрать Лаокоона,
Прибавив на закуску сыновей.

...Так, еженощно ото сна чумея,
Я просыпал и мысли, и века.
Ораву лет мне шлют сигналы змеи,
Ораву лет не знаю языка...

Узрел я змей,
что свищут змей на ****ки...

Их зубы,
что сочили выпивон,

В меня вонзили
ясную загадку:

Так кто ж мой Рай —
нора или ООН?

Меня кожу, если полиняют,
Лаокоона обойдя с торца —
Они ползут,
и сердце наполняют...

(В Раю
и в Яви
гадам нет конца.)

КОВЧЕГ «ГЕРАСИМ»

(Лист № 3)

Обрушило Небо и ветер... и гул...
И ливень... и молнии бег...
Хотелось поплавать!
...Но я утонул —
Дерьмом оказался Ковчег.
Его красотой был глупо я горд...
А мне бы дойти до всего:
Ведь имя "Герасим" украсило борт
Лгунишки — Ковчега того.

Маршрут был на карте и юн, и красив,
И целей достойны труды,
Ковчег же, мочою моря оросив,
Потёк в направлении... воды.

Задумал "Герасим", борта накрёня,
Забортной бурдицы испить.
Я мыслил — купаться несёт он меня,
А он-то собрался топить!

«Куда нас несёт?
Что за горы, жена?..
Чей берег Ковчегом пырну?..»

Ветрила ковчега дырявит Страна,
Чтоб шёл он вернее ко дну.

...Ной ныне — затушенный пламенный лох,
И нет в Океане тропы...
И нет Арарата...
И голубь издох...
И всюду — пустыня толпы.

Не дуясь на верфи — мне стапель не врал,
Когда начинал я разбег.
Посудину эту я сам выбирал...
...А значит, и строил Ковчег.
Сознайся ж, коль к финишу близится бег,
И дно проступает само:

Увы, ты ступил не вполне на Ковчег,
А — как бы помягче? —
В дерьмо.

Из чёрных глубин завещанье приму,
Хоть нет уж сокровищ в казне:
Не верь никогда...
ни за что...
никому
(И в первую голову — мне).

И вот, утонув повернее Муму —
К прозрению всплыл я на дне:
Не верь никогда...
ни за что...
никому,
И в первые бёдра —
.... !

ЧУДИЩЕ ОБЛО, ОЗОРНО... *(Лист № 4)*

Старый страх схватил меня за баки,
Сон прилёг сторожко на кровать.
Приступают Чёрные Собаки
Череп мой кусать и разрывать.
Отбиваюсь... Защищаю ногу...
Убежать хочу привычно прочь.
Не могу понять — зачем их много
Каждую прогулочную ночь?
Шавки — одинокие и в браке
Ежесонно мой покой громят.
Кости сна, что отняли собаки,
Гулким пульсом в голове гремят.
Еженощно сон заводит пьесу,
В клочья рвя, как тишину — гобой.
Псы верны завидному эксцессу —
Отличить меня в толпе любой.
Чёрный лай из глоток рвётся смело,
Разгибая защищённость скоб.
Как бежать, когда из ваты тело?

Как кричать, когда язык усоп?
Погасив деревья и кусты,
Шлангами обмякшими виляя —
Всюду видят! — будто из стекла я...
Ежесонно выходы просты:
На толпу собак озорно лаю,
И они бегут, всосав хвосты!

ЛОТ ЛОТА (Лист № 5)

Лишь глаза на блудни с Ночью
запираю,
Ветер сна колышет яви паруса:
По арыкам я монеты собираю,
Что блещут в пыли как медная роса.

Собираю, как приступочки к роману,
Собираю, словно Плюшкин — не спеша.
Медяками переполнены карманы,
И карманами наполнена душа.
Не сожительствоваю с Крупными —
 (как Брики),
Бурно плаваю, усевшись на мели.
Почему моё добро лежит в арыке,
Аки курица — купается в пыли?

И во снах страшусь я мелочи — как рака,
Не хватаю — потому что задарма.
Тонны меди мною собраны. Однако —
Вижу — вновь меня зовёт алмаз дерьма.
В чём покаюсь в эпицентре Йом-Кипура,
Как представлю Богу мелочи кули?
(А ведь рядом были крупные купюры,
И лежали на душе, а не в пыли.)

Еженощно прёт чума шального пира,
Но, складирюя в карманах дребедень,
Не пройду ли мимо Главного Кассира,
Посчитав за Ссудный —
 светлый Судный День?

Вой, шофар —
еврейская жалейка,
Разменял я ссуду по весне,
И меня подобрала Копейка,
Увидав в своём грошовом сне.

Кадры сна я вырезаю —
как Малюта
Вырезал без приговоров и трибун...

Устилая пашню твёрдую валютой,
Пробежал по сердцу мелочный табун.
Налакавшись мудрецами во Сионе,
Устилая медяками утлый плот,
Я в арыке — будто на аукционе —
Собираю невостребованный лот.
Ночь за ночью этот сон — поди попей-ка!..

Пью!.. Набив в карманы меди крик:
«А каков сегодня курс моей копейки?
А куда сегодня грянет мой арык?»
Мой Содом —
узнать, что сон —
в карман и в руку,
И что прочим выпадал похлеще тест...

Лота лот — весьма солёная супруга,
И — под Бахусом — с дочурками инцест.
Жёны... Дщери всякой стати и текстуры,
Вы Содомы и мужей в Аид свели...

...А добро моё — как страусы и куры
Еженочно освежается в пыли!

ПОЛЁТ КСАНТИППЫ

(Лист № 6)

...Вдруг узрел я в гуще сна
Гибельное жало:
Надо мной плыла Она
И в лицо плевала.

Дартс в упор?..
Набор очков?..
Генокод порушен?..
Метко оспины харчков
Мне изрыли душу.
Во язык! —
 Разило!.. Меч!..
Убивает лёжа —
Так плевков её карточь
Прибывает к ложу.
Марк Шагал ли — кисти Босс,
И полётов колосс —
Надо мной её вознёс,
Как ответный полюс?
Шли секунды — прах веков,
Запад стал восточен...

Левитацией плевков
Был я обесточен.
Зарыдал... Взвихрил кровать...
Сбил с раввина кипу...
(Для того-то, чтоб плевать,
Созданы Ксантиппы!
И Сократ во снах мужал,
Грыз бесед цукаты.
Но от бабы убежал
В жидкий рай цикуты.)
Жизнь продута до рубля,
Сузилась до клипа...
Господа!

 Полёт шмеля —
Не полёт Ксантиппы.

Дав побеги средь дубья,
Раздувая игры,
Я из клетки воробья
Вышел в клетку тигра.

Ноги снов сквозь гиблый брод
Семят нередко
В явь былых моих свобод —
Личных!

(Как и клетка...)

СОНЕТ ПРО НОС

(Лист № 7)

Безумным взглядом в зеркало я врос,
Сном или явью вновь к нему гоним —
И брил я в злобе волосатый нос,
Не понимая — что случилось с ним.

Упал в удушье — как глотнул иприт,
И взвился... И швырнул себе вопрос:
А почему мой скромный нос покрыт
Фантомной шкурой призрачных волос?

Ответить не может и «Моссад» —
Зачем не там, где надо — волосат?..
Откуда прут невиданные всходы?

Кто нас питает? Кто мозги сосёт?
Чьи целый век записываю Коды?
Кто от меня их — Выше понесёт?

ВЕЗУВИАДА

(Лист N 8)

тропы —
по круче
увлѐк я
ЛИШЬ ДРѐМУ
Взорвались и цепи, и звенья,
И — дышащий Адом — Везувий толпы
Швырнул в мои окна каменья
Я жил — в этом Сне на втором этаже
И сам... Да и все мои жёны.
Они окружали меня — неглиже,
С душою, до пят обнажённой.
Но в окна вломились вулкана струи,
И жёны поникли и скисли,
Узрев и горячее: слёзы мои,
И взрывоопасные мысли.
Помпею окна непокой тормозил,
Вползали предательства лавы.

Сон прятал в мешке озверение шил,
Изъятых из пасти шалавы.
Бежал я от пасти — к забвенью гребя,
Но пепел в вулкане ковался:
Везувий сомнений я звал на себя,
И дряхлый вулкан отозвался.
Туф тысячелетий ночами грызу,
И — под камнепадами — спея,
Смиренно в себе и Везувий везу,
И пепел летальной Помпеи.

Спасая Помпеи, как сука кутят,
Которыми впору гордиться,
 летят,
 каменья
 в окна
НО ПЛАМЕННО
И жёны хотят пробудиться.
(... Они просыпались...
 ...Съезжали с перил,
Не помня ни сна, ни бывшего,
Где я —
на прощанье —
 Вулканы дарил
с красивой картины Брюллова.)

АРМИЯ СПАСЕНИЯ

(Лист № 8)

И вершки в их мисках, и корни,
А в кишках голодный волк поёт...

Одиночка Армии Спасенья
Русакам похлёбку раздаёт.
Из дворняг я — вот моя Порода:
Ни к чему на род глаза косить...
Словно в песне — выполз из народа,
Мне бы тоже надо закусить.
Торопливо варево лакают —
Как на Страшный Суд уже грядут...

Сон и глад меня в толпу толкают,
И радушно к Армии ведут.
Пунцевею... Продвигаюсь робко...
Прут миазмы — словно в дождь грибы.
Venceremos!*- вот моя похлёбка,
Колера проигранной судьбы.
Пар сдуваю... Нюхаю сторожко...
Злобно озираю ассорти...
И — на спуске — замирает ложка,
Не желая в варево войти.
Просыпаюсь — с Кармой из Рассеи —
Разгонять похлёбкины клубы.
И вступаю в Армию —
Спасенья
От толпы...
Похлёбки...
И — Судьбы.

* Мы победим! (исп.)

КОНЕЦ НАЧАЛА

(Лист № 9)

Куда бегу?

Себя ли я покинул?

Кто мягкий нож в лопатку мне суёт?

Не спит кровать.

Колотит небо в спину,

И гонит... И очнуться не даёт.

Лоза пути поникла и привяла,

Но — с неба ток.

Незримый — но Сигнал...

Растёт лоза, не ведая привала,

Не понимая — кто её угнал.

Позыв Иуды?.. Берии Пилата?..

Уснувший жезл недремлющей ГАИ?

А в небесах — Змея и Вентилятор:

Сверкает Он,

и — дует от Змеи.

Исчерпан банк и допусков, и линий,

И новые уже я не приму.

Таран струи колотит Кундалини,

И гонит — на Голгофу и к уму.

Бичи лобзают спину...

Ноги — вьюга...

Я в новых плавках... В новенькой стране..

Не в небеса ли уползла змеюга,

Которой спать положено в спине?

Опять мой Сон, меня любя — карает,

На вещем небе — символов семья.

И я плыву — воды не разбирая,

Тропой солёной... Гибкой как змея.

Когда мне объяснит кошерный ребе:

Где я? —

По эту ль сторону?..

По ту ?..

...А Кундалини зорко дремлет в небе,

И Вентилятор — жарит пустоту.

Настало мне — в Дорогу окунуться,

Которую уже не осмею,

И в новый Сон стремительно проснуться,

Стащив с небес и Ветер, и Змею.
Но умер Сон — как резанул секатор.
Я возвращаюсь, словно «Горький» — в «Тверь».

Шкворчит жена...

Рыгает вентилятор...

Закрыты настеж Небеса и Дверь.

Уймись, кровать!

Меня ты укачала,

Скатила к тупиковому торцу.

И нет пути — как нет конца началу,

(А впрочем — как начала нет концу).

1992

ЗАДНЕЕ ЧИСЛО, ИЛИ ЭХО КОЛБАСЫ *(Лист № 10)*

Когда бы сервелатом иль корейкой —

И то б мутило нищих и кутил.

Но мне скормили тухлую Копейку,

А за обед — я жизнью заплатил.

Хватал я в долг, не отходя от кассы.

Колбасы лезли прямиком в кровать.

Не ведал я, что жру чужое мясо,

И год пробьёт — захочется блевать.

Гнилую свежесть принимаю в рот...

А —

Колбасник с продавщицею сомлел...

Давным-давно вы мне привили рвоту,

Которой я сегодня заболел.

В слепых кишках прозрения таятся,

В клоаках смрадных ухают басы,

И Блоку — не ковыль с покоем снятся,

А Вечный Бой — за пулю колбасы.

Прими же рвоту...

Поздние — но роды

Былых колбас...

(Не отводи лица!):

Жри пули, что во мне хранила годы,

Не потеряв ни яда, ни свинца.

Нелепой мукой обернулись кражи,

Отравлены — и сердце, и быльё:
В тяжёлых снах вгрызался в мясо вражье,
А наяву — раздаривал своё-
Расчёт несу я мясниковой даме,
Застывшей в клекотании немом.
Крепчает рвота —
 Задними годами,
И задним —
 одураченным —
 умом.

ЗАКРЫТЫЙ ПЕРЕЛОМ СУДЬБЫ *(Лист № 11)*

...Тут я недавно заглянул в бездонь:

Лишь Сон припал ластиться к изголовью,
Из глубины явилась вдруг Ладонь,
Отмеченная стигмою и кровью.
Одела тело яви чешуя,
Я понял: буду прав...

 Но кровь случится.
Ведь я-то знал: она — ладонь моя,
Ведь я-то ведал: кровь моя сочится.
...Не тем пишу, кто дремлет неглиже,
Когда слагаю голову и строфы...
Когда уже...
 полураспят уже...
Хотя ещё топчу траву Голгофы.
...Сползала кровь — спокойная как яд,
Привитый поцелуями — подкожно.
Ладонь пырнула онемевший взгляд,
И возопила:
 «Павел!.. Осторожно!..»
Со сцены
 в партер
 прянули друзья,
Жуя астрал вина и лимонада...
И никого уже спасти нельзя,
И ничего спастись уже не надо.

Своих врагов — друзьям я не предам,
Они смиренно в Дельвигах уснули —
Тех, что теням
 своих роскошных дам
В фиалов тени — тень Аи плеснули.

...Я вздрогнул,
 и из Сна себя изъял,
Мча на тахту, где жался на кордоне.
И рюмку крови —
 горько-правой взял...
...И пробудился...
 с кровью на ладони.
...Лягнул комар?
 ...Упал со шкафа лом —
Кровь отворив...
 Вампиров сна питая?..
Какой пустяк:
 Закрытый перелом —
Судьбы!..
 (Вот только жаль — Комар истаял.)

КАЛЯМ ОТ БЕНКЕНДОРФА

(Лист N 12)

В земном раю, храпя в Отделе Ада,
Где я бумагу — как кету — глушил,
Мне выпала забавная награда:
Круг Первый вдруг экстерном завершил.
... Я был узбек —

 как мною был Гулям,
И Гос. язык мне мил был и угоден...
... Мне Бен Кендорф презентовал калям,
И улыбнулся:

 "Парень, ты свободен!"

Я ритуально рек:

 "Катта рахмат!",

А генерал отвечивал:

 "Не стоит."

Я был — как струны на гитаре — смят,
И уходил — как Ельцин из застоя.
Был беден в профиль...

 Впрочем, и в фас не
Ховал стихи в меркины древних амфор...
(Зачем мне дарят тайнопись во сне,
Кому так люб Содом моих метафор?)
"...Пиши, орёл!.. И верь моим словам:
Видок тебе в лопатки не задышит..."
(Ага: пиши!.. А всё, что нужно вам —
Секретно от меня — она запишет?)
Теперь бумагу стану ли стращать?
Уж как-нибудь до яви дохиляю:
Мой нью-калям —

 двубойная праща:
И сам палю, и по себе стреляю.
Но ведомо: кавалерист был крут,
И цокот подавил безумцев гласы:
Их думы — кляп в задах сибирских руд...
Мне ж до Бродвея стелены паласы.

Но — полонённой не склонив главы,
Справляя Там — победу ли, вину ли —
Они будили Герцена...

 А вы —

Перо в мою бессоницу воткнули.
Вновь в свежей пьесе привыкать к ролям,
Где травести влезают на рожины...
Где Бен Ефим готов проспать калям,
Ушами Бен Кендорфа заряжённый.

(... Шасть в Оруэлла!..

И давай шнырять
В сортирах ново-Язов-ского хлама,
Где мне — как пролу* — нечего терять,
Вот разве — зуб дарёного каляма.)
Познав на деле — жарок ли адок,
Взамен копыт отбросив гниды-маски,
Купи себе видак, браток Видок,
И всех пиши — хоть до ишачьей пасхи!
Но гну своё...

И с пылом Ереванши,
Чья Зодиака поза любя мне —
Прими полномасштабные реванши:
Калям — что я верну в ответном сне.
Сломав калям — сверхгниду из кормил —
Плыву, взяв паруса и галсы в клещи.

(... Больной башкой здоровье проломив,
Двойной калям забыл во сне зло-вещем.)

**Прол (см. у Оруэлла в "1984"): абориген-пролетарий*

ДЖЕЙМС ибн БОНД **(Лист N 13)**

"Сыновья Гомера: ... Рифат..."
(Библия: "Первая Книга Паралипоменон", 1-6)

Бывало, я во Снах не лез во драки,
Не томагавкал даже на врага...

...Но нынче ночью, выжрав пуд араки,
Тропа войны легла на берега —
На нас, влекомых шёлковой тропой
Во чреве сокровенной из Столиц.

Куда —
во сне —
вернулся плыть с тобою,
Не слыша ртов, не видя глаз и лиц.
... Он был Джеймс Бонд —
с пайцзою Чингис-хана,
И мутный взгляд мерцаньем смерти пах.
Дрожал кадык... И вопль лживо-пьяный
Будил животный трепет в головах.
Он бычил шею... Глупо тужил ряху...
И брал на пушку... И пугал в кредит...
И предлагал:

"Прошу набраться страху,
Поскольку я со связями бандит."

Глумливо добавлял:

"Учтите, кстати:
Вас уберут красиво и скорбя,
Поскольку я — учёный и писатель,
А мат и кровопуск — мои хоббья!"
Ах, ты — писатель? В общей мы кошаре?
Твой белый стих сегодня жутко мил!..

... Я отступил... В траве слова нашарил,
И баррикаде череп проломил.
Текли чернила — родом из Артели,
Пандорой обернувшейся давно...
И вороны-пираньи налетели
Клевать стихи: Гомерово зерно.
Perpetuum Бонд! Сравни, бандит, потери —
Их обрета, лишь ими и живу:
Я лишь во сне сношу тебя и череп,
Ты ж проломил мне душу наяву...
Моя любовь в барханах жарких тает.
Я был изъят... Ей было не с руки...
Она на тех же улицах витает,
Где носишь ты всё те же кулаки.
А я бы и во сне тебя не трогал.
Уйди ж... Дай пробудиться мне скорей,
Извечный Бонд... Извечная тревога...
Ночной кошмар дневной тоски моей.
Бессмертен ты — такая уж порода:
Чужой покой — за дрянь свою карать.

И лезешь ты, сынок, в отцы народа,
Чтобы, как Хронос, деток пожирать.
Кастетом и словцом ты сводишь скулы,
Ты — катарсис кристальный — Сатаны.
Уйми перо, Перунчик! Брысь, Дракула!
Заткни фонтан, что проломил штаны.
Ты купина: ты — лёд неопалимый,
Пылаешь хладом, в лифчики гребя...
(А я плыву по городу с любимой,
Кладя шоссе на Вечного тебя.)
Ты жив во мне...

Ты соткан из эфира...
Как Фреди, возрождаешь свой аршин,
Лакнув ушат крови, шматок кяфира,*
И яда персонального кувшин.
Их доставало для стихов и прозы,
Но кол подросток в осине — по весне...
Что ж, клюй мозги... Пузырь свои угрозы
До новой встречи в старом этом сне.
Ты или тёзка твой — во время Оно,
Гекзаметрами к подвигам влеком,
Ступил на трап с "Паралипоменона",
Шагнув в судьбу чужую — кулаком?
Пишись во снах биндюжником и фатом,
Такая у тебя, шоир,** фарца:
Библейского Гомерова Рифата
Продать за продолжение Слепца.

**Кяфир* — неверный, подлежащий избиению.

***Шоир* (узб.) — поэт

НА ПОДНОЖКЕ

(Лист № 14)

Карусель...
Бьют по ресницам мушки...
Явь — под корень...
И — кругами пня
Еду на подножке легковушки:
Нет в салоне места для меня.
Я стою...

К движенью прилипаю...
Сна боюсь — как форточник мента.
И, держась за дверцу, засыпаю —
Разгибает пальцы дурнота.

Жизнь доверив случаю да року,
В паутине вязну
как масон.

И,
валясь
на пьяную дорогу,
Головой... проламываю сон.
...Вот и утро. (Из того же теста.
Жизнепады ту же льют струю.)
«Подвезите!..»

(Нет в салоне места —
На подножке трепетной стою.)

ХИТРЫЙ АВТОБУС

(Лист № 15)

(А вот акварель —
 холостой пистолет,
Смешная картонная бритва):

...У Храма стоял выездной туалет —
Пописать с доставкой к молитве.
Торчал он — как у Патриарха кила,
(Чья осень сыта, Камарада!..) —
Чтоб паства могла отвести —
 и тела,
И души, и чресла, и взгляды.

Послушав молитву, сбегала роса —
От тех, чьи смиренны колени.
(...Законы вокзала: всего два часа
До главного... отправления.)
Вершки опростав, мир ботвой семенил,
Смешались и ноги, и логос.
И чинно колёса свои преклонил
Близ паперти хитрый автобус.
Глотал прихожан, не успевши икнуть,
И — money (с учётом налогов!..)
И молнии брюк торопились сверкнуть,
Скрестив брудершафты итогов.
Не сникли колёса...

 Не пала земля,
Пальбу не затеял Шарапов...
Созревшему люду лукаво велят
Взойти по весёлому трапу —
Гармошить колени...

 И к ручке припасть...
Сдать всё, что уже добродило,
И знать, что Шайтану сюда не попасть
Сквозь дезодоранта кадило.
Не зная — почём вакханалья бреда,
Рычу обладателям груза:
«Коль подано писать —
 прошу, господа,
Отвести ваши души — от пуза!

Вперёд, джентльмены!

Кутить — так кутить!..

Но... шпаря по сходням упрямо,
Спешите скорей за... ПРОСТОЙ уплатить
В машине, набрякшей у Храма!»

Товарищ Шарапов!

Идя по пятам,

Я вас сотрясаю за плечи:

«Ужели нельзя изменить, капитан,
Хотя бы во сне — место встречи?!»

...Уйду в атеисты:

греши — не греши,

Богам до кощунств нету дела...

Толпа, сотворив омовенье души,

Спешит к гегемонии тела.

По стритам расходится куча-мала,

Расходится встречная драма...

...И хитрый автобус увозит тела,

Отбитые бойко у Храма.

Армаду клиентов доить поимев,

Автобус летит — облегчиться.

Он твёрдо шагает по жизни,

сумев

При-Храмывать —

там, где случится...

1992

КУННИЛИНГВИСТИКА (Поэма-бурлеск)

"Какими языками владеете?"
(из Анкет)

"Solus cum sola, in loco remote, non cogitabantur orare "Pater Noster".*

* О мужчине и женщине, которые уединились, никто не подумает, будто они читают "Отче наш!" (лат.)

1

Любя языки популяций и рас,
Я нажил солидный словарный запас.
Но совесть имея,
 признаюсь сей миг:
Словами владею —
 в лице... прорвы книг.
До новых дверей,
 свежий беженец нищий,
Послал словарей —
 (приблизительно) тыщу.
И трака водитель Бен-Арие Клейнер —
Доставил мне кайф...
 А точнее — контейнер.
Кулибин рукастый!
 На рожу — Габен!
Что кантор горластый!..
 Короче — Big Ben.
Кто парня сработал — аид или Russian?
Бен-Моня! —
 Куратор грядущей мамыши:
Подъехал Бен-Моня,
 ермолкой дрожа,
И выполз,
 клаксоня,
 Пахан гаража.
До выводов рано...
 Но ясен финал:

За Дона-Жуана
сей хлопец канал.
Где ни появи́тся
 пленительный хахаль,
Летели девицы,
 как мухи на сахар.
(Коль в первой главе —
 спич о полчищах мух, —
Хай сладко живе
 Всенародный Петух!)
Ах, Гойя!
 Любила б такого пирата
Тобой обнажённая
 Маха...
 (...бхарата?)
... Теперь, когда сага
 о Клейнерах спета,
Скажу на бумагу
 За падлу-Анкету.
Товарищ Анкета!
 Вопрос твой не прост:
"Каким языком я владею at first?.."
Какой, извините,
 в словарь не косит —
Свободно на нити
 алмазной висит.
Я вызван Анкетой — как прежде в горком...
(А, кстати, каким я-таки языком?..)
Какие в Анкете отмечу я подчерком:
"Лишь со словарём, и вовсю — с переводчиком?"
Какими ворочаю после Ульпана,
Какими — лишь возле второго стакана?..
Какой поутру —
 как анализ мочи,
Какие беру —
 как разведчик в ночи?
Какой не имеет, как тёщин, мослов,
Какой — неразборчивей песни без слов?
...Анкета мне, кстати,
 дала сверхидею:
Скорей загибайте,
 чем-таки владею...

...КОНЕЧНО ЖЕ, РУССКИМ! —

и хором, и сольно.

К тому ж, за границей — свободно довольно.

Когда я на родине в кляпы дудел,

Свободно я им лишь на кухне владел —

Поскольку чины — при погонах и деле —

Моими словами синхронно владели.

Не понял, друзья,

в те премилые дни,

Владел ли им я,

иль владели они?

Впрок — не для испуга —

вкачу вам перкЕ:

"Язык и супругу

держи на замке!

Ты их не догонишь,

храпя на печи,

Ты их проворонишь,

ослабив ключи —

От тех, кто, любя

дым соседского плова,

Стоит за себя,

и — лежит за другого.

Признаюсь вам смело:

В раскладе таком

Хорошее дело —

владеть языком.

Родимый язык,

ты меня береги,

Когда от грозы

опухают мозги.

Явись мне Кораном,

Ригведой и Торой,

В краю иностранном —

толчковой опорой.

...КОНЕЧНО, АНГЛИЙСКИМ! —

Кувалды

Шекспира

Лупцуют по фалдам

текущего мира.

Полк леди —

в двенадцать секунд

охмурят,

Ведь доллар и фунт —

лишь на нём говорят.

...Вчера в Мангаттане, собравшись обедать,

Решил я с гёрл-френдихой пиццы отведать.

Добрёл до "Пиццунды",

И что было сил —

С акцентом от Бунда

поесть попросил.

Сказал, исполняя желудка каприз:

"Абиселе пицца

Беринг,

Would you please!*"

Отбрили меня, как тореро — быка:

"Спырва научиться болтать языка!" —

Пальнул как из танка,

прогнав от дверей,

Породистый янки —

бухарский еврей.

(Пожалуй, я с гёрлой слегка поспешил,

Когда в Мангаттане попиццать решил.)

Готов заявить, на английском горланя:

Престижно владеть языком в Мангаттане!

А также престижно — за кассой сидеть,

Пиццерией —

хоть на еврейском! —

владеть.

* Макароническая фраза: "Немножко (идиш) пиццы (всемирн.) дайте (узб.) пожалуйста (англ.)!"

...КОНЕЧНО, УЗБЕКСКИМ! —

Язык Алишера

Для пришлого брата

стал высшею мерой.

Но я не о том, что сменился карат:

Из старшего в младшие выбился брат...

Страна — ну и ну! —

спать ей было невмочь,

Пробиться ко... дну

нам спешила помочь,

Чтоб знали свой прах

и почтеннейший пост:

Быть в первых рядах,

замыкающих... хвост.

Зато — с Государственным в правой руке —

Я первый джигит во любом кишлаке,

И благословение спляшет

налой —

Меджнуну, что кашу

сварганил с Лейлой.

Любимая, мир бы летел кувырком,

Когда бы твоим я владел языком!

Надёжно и прочно

люблю на века —

Дымящийся, сочный

шампур языка.

Он — с горочки сани,

он — компас в лесу —

Во дни испытаний

— его я сосу.

Учтив я на нём

как джигит Де-Грие:

"Рахмат!.."

"Кечирасиз!.."

"Кутагини йе!..."*

Забыв про Рассею...

свихнувшись маленько,

Шепчу колбасе я:

"Салями алейкум!.."

Услышал я эхо —
 (клянусь на каляме!):
"Нам тут не до смеха...
 Маленько б салями!
Пришли нам пока...
 О, Америка-ненька! —
Сырьё шашлыка,
 да языков маленько!
Но только, смотри-ка —
 не спутай при этом
Языки с Языковым —
 русским поэтом.
Пусть пишет как Бог... —
 Как обед сотворить? —
Ведь мы не Боккасса —
 Поэта варить.
Господь Император...
 (из Узи б скосить!) —
Любимым народом любил закусить...
...Допустим, и сварим,
 и в танце закружим:
Кого мы зажарим,
 простите, на ужин?
Ведь эдак — покуда
 гум.помощь дойдёт —
Писателей груды
 в кастрюли сойдёт..."
К тому же, еда —
 приведённой подобная —
Народу всегда
 была малосъедобная.
И счастьем вкусить их дела и тела —
Он предпочитал закусить... удила.

* "Спасибо", "Извините", "Соблаговолите откушать фаллос!.." (узб.)

...КОНЕЧНО, ЕВРЕЙСКИМ!..
 (Хотя, право слово,
 Известно, что нет в ПодХашемной такого.)*
 Иврит или идиш —
 тут дело другое,
 "...Евреи ж — как Китеж —
 топить рады гоя,
 Раздев и согнув,
 оставляют в кальсонах
 Любую страну —
 Черти жидо-масоны!..".
 Кончается мрак —
 как Ильич в своих Горках.
 (Где дело — табак,
 там и слово — махорка.)
 И удочки в кучу
 швыряет рыбак —
 Великий, могучий
 Советский... слабак.
 Гренады ковать?..
 Век безумия сгинул —
 Чтоб НЕ воевать — я все хаты покинул.
 Порожний,
 унёс лишь пустой окоём,
 Оставив таможене
 проблемы с жильём.
 Ушли мы бочком —
 через дырку для пара...
 Но кто же ответит за новые свары?
 То знают — потеха!
 и Бобик, и Брем:
 "Евгей, что уехал,
 без наших пгоблем",
 Делитесь моим недобитым добром..."
 ...(В краю нееврейском — еврейский погром!)

* *Хашем* — одно из имён Бога

Обут босяком,
 исполняю с портвейном
 Любимый макОм:*
 "Lomir Ale in Eynem!"**
 Давай хоть теперь своего не упустим —
 По рюмке и гейше скорее пропустим,
 Давайте смеяться, что доля горька,
 Давай штурмовать Эверест языка.
 Давайте забудем
 обиды и беды,
 Которые людям
 приносят полпреды.
 Давайте в былое
 не станем плевать,
 Давайте построим
 бездомным кровать,
 И прежде, чем в гнев скандалы месить,
 Припомним: язык богом дан — ПРИ-КУ-СИТЬ.
 Пусть новые рейсы
 ОВИР не сгубИт,
 Утянем за пейсы —
 кто рабство трубит.
 Пока мы не рядом... Но боже, налей нам
 К молитве святой: "Lomir Ale in Eynem!".
 Прорвётся плотина,
 и хлынет река —
 Шальная путина —
 Язык языка...
 (Читатель, ты завтра
 готов заявить,
 Что надобно автора
 живо словить,
 Коль явно влеком
 мановением вражьи́м,
 А те — языком
 его кормят го-вя-жьи́м,
 И, множа свой бзык,
 он освоить готов
 Горячий язык
 мантианских котов!..)

** Маком (узб.) — классический душеразрушающий напев — силою до катарсиса.*

*** Еврейская застольная песня: "Давайте дружно прополощем на посошок
наши луженые аудише глотки!"*

7

...Пройдя через муку,
узнаю хулу:
Любимая, руку!
держи пиалу!
В хмельную любовь ничего не берём,
Оставим себя — лишь с одним словарём.
Вскрыв сейфы святых поэтических тайн,
С друзьями я дринкен а-биселе вайн.*
На исповедь к узкому гряну врачу —
С ней, русской — на русском
вовсю помолчу.
И в Консульство звякну — в отдел срочных виз:
"Как вызвать узбекский шашлык?.. —
Would you please!"
С Зоилом болтать —
это проще всего,
Взгляд будет метать
стоэтажный арго,
Поможет толмач кавалер де-Грие
Шептать всем Зоилам:
"Кутагини йе!"
Живи, арго-навт!
Мавзолей без поста...
(Есть тёмные даже у света места.)

** Пригублю немного вина (идиш).*

Заполнив Анкету, на улицу вышел...
 Бен-Арие Клейнера — "Вейзмир!"* услышал:
 Куда только делся весёлый запал —
 В аварию Клейнер с разгона попал!
 Командует босс...
 Бен послушно внимает,
 КОПЫТА передних колёс
 воздымает...
 Принайтовил фал...
 (...вот — и тракам везёт!) —
 Крутой Буцефал
 с вожденьем ползёт,
 И — как Анжеликин
 Жофрей де Пейрак —
 С подъёмом великим
 ТРАК
 тракает трак.
 В трудах без бивака
 вздуваются шины —
 У Клейнера трака,
 у босса машины.
 Неясны лишь роли
 по этим атакам:
 Его ли... Её ли... —
 поставили траком?
 Хлад, сердце покинь,
 коль скулит у дверей
 Срыватель бикинь —
 резвохромый Жофрей.
 (Но жаль:
 к эпопеее
 сих траков —
 сношение
 Графьев —
 не имеет, увы, отношения).

* *Вопль отчаяния (идиш)* — находится между "готыню" и "геволт".

Войду по росе
 в озарение хора —
 Мне дороги все
 языки без разбора...
 Румян и красив —
 как поджаренный в гриле,
 Великий, могучий язык суахили.
 Согласен с тобою, дружище Раззык:
 Велик и могуч и узбекский язык.
 Храню я в блокноте алмазы-улики,
 Что идишь с ивритом — взаимно велики.
 А русский — могуч и совсем без улик...
 А рядом — грузинский прекрасно велик...
 Подать кока-колу и порцию виски
 Прошу на предельно могучем английском.
 Красотке пою на испанском могучем:
 «Покрепче целуй меня: "Бесаме мучо!"».

Охотно конфузюсь
 с молчуньей Китая,
 С ней в Гордиев узел
 языки сплетаю.

С японскою гейшей Бен-Мойше гундосит,
 И словно Жофрей — тянет клещи к фундоси.*
 На хинди великом фехтуя словами,
 Общаюсь я с ними,
 а также со Свами.**

Со Свами срубав в ресторане бурду,
 Полдня на Урде я брехал на урду.
 К Хеопса гробнице тараща стропила,
 Молюсь на великую клинопись Нила.
 Спущу паруса — до кормы и до нитки —
 Увидеть бы только Кумрановы свитки.
 Еврейская совесть по-русски чиста:
 Я в Новгород ездил — жива береста!
 Я рад языкам...
 Я от слова балдею...

Но только одним в совершенстве владею,
 Один в моём сердце не знает границ:
 Секретный язык твоих губ и ресниц.

(Признайся, Жофрей:
тебе тоже знакомы
Любимых, желанных очей —
идиомы?..)
Коль чаю —
витают в глуби их тирада,
Мгновенно читаю
метафору взгляда.
Духмянней Сольвейг
и нектара Кахетии —
Раскаты бровей
и ресничек фацеции.
Люблю я твой грех,
и отпор быстротающий,
И девичий смех —
в женский перетекающий...
Я — словно сержант
королевы Марго —
Тех губ, что дрожат —
понимают аргю.
И — рифмы грудей... И... —
Молчать, остолопы! —
Ведущие
к Явному
Тайные
Тропы...
На них мы сведём языки и уста...
(Простите мне — тёмные с виду места).
Поймём свой каприз
Лишь друг — другом горя:
Без слов...
И без риз...
Да и без словаря.

* *Фундоси* (яп.) — набедренная повязка.

** *Свами* (хинди) — духовный учитель, наставник.

Когда б в Мангаттане
 вот так объясниться —
 Неужто, гортаня,
 сломали бы пиццу?
 Неужто еврей,
 добрым словом политый,
 Не стал бы скорей —
 Архи-космополитом?

Болтая без толку,
 я дам* заслужил —
 Вздохнул, и на полку
 язык положил.
 По случаю — Клейнеру надо вручить,
 Чтоб ласы помог в мастерской наточить.
 Ах, ласы! Струмент безобидной забавы!..
 А в целом — пустое:
 ни водки, ни славы.

** Дам (узб.) — отдых. (А не то, что вы себе вообразили...).*

Плейбои!
 Похоже, затею я скоро
 Бороться с собою
 за право сеньора —
 Чтоб лечь,
 в объективы упорные глядя,
 На фоне
 красиво
 развёрнутой **я*и —
 На ложе — прекрасной,
 в застолье — гудящей,
 Как знамя — и красной, и переходящей.
 Жофрея ж, реликта —
 лупи кирпичом!..

(I am sorry!..)

язык тут совсем ни при чём.

А кто же "при чём" —

кроме жирных котов?..

Готов заявить:

"Заявить не готов!"

...А ВОТ МОЁ ХОББИ —

(колюсь, не мурыжа):

Любовное лобби

в кнессете Парижа,

С любимой "Бирлик"*,

а с друзьями — "Бейтар"...

По-карски шашлык —

(то бишь поданный в саг).

И — мат трёхходовый на Пальма Майорка,

И малые губы Большого Нью-Йорка.

(Тут с Пальмою — кризис:

утопло в воде —

Как Бедная Лиза —

Богатое "Де"...)

...Лакомый кусок

для друзей выбирать,

На сотне досок,

как Каспаров, играть,

Умение — точку

поставить, где надо,

Взяв в брачную ночь

губную помаду.

Взять сотню Бастилии.

Но — бес мне в ребро:

Чтоб досточки были —

рельефней Монро.

А жёсткий кусок

мне жевать не с руки,

Заместо досок —

перейду на станки.

Маленько строгаю...
Но рано кадить:
Ведь... Шорт его знает —
Смогу ль победить?!
В пылу пертурбаций,
Флажок —
мой товарищ —
Стоически б клацал
в цейтнотах флагищ.
Что б мне повезло...
Чтобы стрелкой не прядал.
И — НАТО назло —
как Советы, не падал.
Люблю:
...Твои паузы... Как только сразу...
...Как волка Мюнхгаузен —
вывернуть фразу...
Имею мечту
и в дальнейших строках:
Бельдюгу во рту,
пристипому — в руках.
Ещё я —
зловеще люблю простоквашу,
И — белые вещи
у Чёрного Саши.
Люблю твои позы —
в нюансах мельчайших,
Как сладкие грёзы
пропойцев горчайших.
Умел ли у рук ты
похитить испуг,
Сняв спелые фрукты —
зелёных подруг?..
Люблю заряжённую визгом пилу,
Люблю холостую секс-бомбу Лейлу.
В гостях — самовар со своею Тулой,
И — месяц медовый с весёлой пчелой.
И — род свой спасать,
выбираясь из плена,
И — локти кусать
до седьмого колена
И — свежесть преданья...

И веру в удачу,
И — хлев ожидания...
До пасхи ишачьей.
Со стилем боренье...
И правду под дых...
И слог — с точки зренья
его запятых.
Люблю, когда мэтры
салятся на клизму,
Плюя в рожу ветру... —
в лик... поцреализма.
И пишут в нарсуд, и...
(...Барков, не балуй!) —
Супругам несут
перед сном... соцелуй.
Такому соседству
ужиться не просто:
Я родом из детства.
Вы родом — из ГОСТа.
Не вешайте нос-то!
Есть к мщению средство:
Я родом их ГОСТа
советского детства.
Люблю ненавидеть
тщеславие фронта.
Стихи, что Овидий
слал девочкам с Понта,
И понт, на который берут простаков,
Не тот, где армады плывут моряков.
...Ходьбу
по местам
славы громкой и ратной.
...И Зыкиной стан —
без минуты прокатный.
Люблю по росе
попасти поросю,
С опаскою на синагогу кося,
И, тяпнув "Сучок",
мчать в метро, словно шкет
Свиньи пятачок
запихать в турникет.

(Измазал я китель?
попал не в струю?
Друзья, не кормите
кошерным — свинью!)
Люблю,
 дев целуя от пят до бровей,
Под дудку чужую —
 плясать на своей.
Старейшей молодки
 курировать плоть,
Гидравликой плётки —
 горячку пороть.
Люблю, когда скачет
 Негода известная,
А бабки судачат
 про кары небесные.
Люблю, когда пишут
 о Маленькой Вере,
В "Плейбое" открывшей
 Советскую эру.
Теперь не боится
 Советский любой
Оттяпать страницу,
 раздевшись в "Плейбой".
Да жаль, что журнал —
 не базар в Лужниках,
И каждый, кто снял, —
 не пребудет в веках.
Пора бы уменьшить
 разливы скорбей,
Открыв (не для женщин!) —
 рассейский "Плюй-Бей"!
Заводов "Рено"
 уважаю вираж.
В разливе вино, а не Политшалаш...
Виват подмастерьям
 заплечных делишек,
И ножкам,
 которым не ведом излишек —
Забраться на плечи,
 готовиться к прениям,

Поскольку весь вечер
сучат с нетерпением...
...Читатель, покуда тебя я не мучаю?..

** Бирлик (узб.) – единство. А заодно и имя пассионарной оппозиции, начавшей в конце 80-х борьбу за народное счастье героической битвой с вредоносно-крупнокалиберным языком "оккупантов", оскверняющим ареал своей инвазии в Туркестане подозрительной лингвой Пушкина.*

15

Послушай про чудо
по этому случаю...
...Словил раз Бен-Моня...
(...Его не забыл ты?)
Рыбчонку в ладони...
(Никейву Гефилте).*
В соку и красе,
туком — божья коровка...
И Сорок второго шоссе
фаршировка.
Забудьте про майсы**,
Бен-Моня в обиде:
Той рыбоньки лиценс
он тоже не видел,
И вздрагивал тоже,
учуяв повидло —
Не лиценс, похоже,
ему предъявила,
А нечто —
повидла послаще и мёда.
(Супруга ль обрыдла?..)
не чувствуя брода,
Судьбину
руками Бен-Моня сгубил,
Когда плавниками
к молодке забил.
Задёрнуты шторы...
развязаны губки...

Разбиты заторы,
и спущены шлюпки...
И дымки портов
улеглись на мель,
И спиннинг готов
выходить на форель.
Потеют ладони,
гася маяки.
С красотки Бен-Моня
срывает крючки,
И — парус на мачте...
и, где-то зверея,
Пытается смачно
обнять Бом-Брам-Рею.
Вдруг слышит Бен-Моня
в разгаре движенья:
"Товарищ любовник,
гони уважение.
Картину не смажьте
в напоре таком,
Как спикер — уважьте ...
меня... языком..."
Бен-Моне ль не любы
пороги восторга,
(И малые губы
большого Нью-Йорка!),
Присутствие духа
в разгаре ламбады,
И каждая шлюха
из Ленинабада,
Истерики
жён на подушках из пуха —
Тетери,
оглохшей на среднее ухо?
Бен-Моню колышет —
куда всё канает:
Как Родина слышит,
как Родина знает,
На всех парусах
рад себя он свистать...
(В каких небесах
предстоит пролетать!)

...В заветные стоны
ступил языком,
Он лучше Сталлоне
с альковым знаком,
Шепнул куда надо —
лизун и жокей,
Красотке — отрада,
и Бену — о-кей!
Обряд облизанья,
что дан Демиургом,
Ах, не наказание
евреям и туркам!
Приветствуют петтинг,
крепя год от года,
Все взрослые дети —
времен и народов.
Он — в ведро пригодный,
в ненастье — резонный,
И международный,
и демисезонный.
Короче:
запрос депутатский утешен
Язык-губосос
у Бен-Мони подвешен.
Амур свои стрелы
в язык не метал,
Пока он с дебелий
дебилкой болтал.
Взяла, что хотела?.. —
Замолкни, покуда
Я стану... Несмело...
про редкое чудо...
Поверить в такое,
друзья, шапито
Со времени Ноя
не сможет никто!

* *Фаршированная шлюха.*

** *Майсы (идиш) — пересуды.*

...Вдруг — стук!

С расстоянья короче парсека —

Как в Полном Собрании

топор древосека —

Раздался...

Бен-Моня

Не рад уж трудам —

Не то что Сталлоне...

Не то что Ван-Дамм...

В подкорке смешались

иконы, и судьи —

Толпою сбежались

и кони, и люди:

"Апостроф ли простыню просто захлопал,

Апостол ли —

по столу остолопа?"

Потом разыгралась ужасная ода:

Язык

(Исполнявший обязанность мёда) —

Проглочен злодейкой,

пленён повсеместно,

Хотя сверхидейку

решал с ней совместно —

Когда целовал он её оголтело,

Когда добывал наслаждение из тела —

Из шурфов —

вдвойне

путь к которым был крут,

И во глубине

полных трепета руд,

Где обогащал он — себе на беду —

Радужно отверстую счастьё руду.

В раю рудника цокал звонкую оду,

Попутно лаская

пустую породу...

Кто знал, что велик

ему выпадет тест:

Посажен язык

под домашний арест,

Блестяще посажен!

И зря утешать...
Товарищу даже
не просто дышать.
Знавал ту беду
ветеран Гиппократ,
Зовётся недуг:
"Арестованный гад".
Что — драма в Вероне!
Шекспира миры!
Когда у Бен-Мони —
язык вне игры?!
В таком положеньи
раз плюнуть — связать...
Позор!
Унижение!
И — нечем сказать!
Всё как на ладони...
Лингвистик азы:
Беда у Бен-Мони —
отнялся язык.
Испуг победил,
поступив оголтело —
Язык угодил
в инородное тело.
...А не из ЦК ль
ты подослана, баба —
Взяла языка
по заданью Генштаба?
Но впору визжать:
если враг в руке —
Гуманно ль держать
на голодном пайке?
Скажи, Гиппократ:
есть ли шанс на поправку?
Язык не работал на полную ставку,
Его не связать
и с масонскою ложей,
Он, можно сказать,
лишь случайный прохожий.
Провалена явка —
к восторгу всех злящихся...

Пропал —
по заявкам
и письмам трудящихся...
Как Буонапарте
при Березине —
Увяз... Бита карта
по стука вине.
Вот так и не верь,
что беду и в ночи
Приносят в закрытую дверь
стукачи.
Ведь в области дамы,
забившись в кровать,
Способны себя мы
и арестовать,
Поскольку редактор
и вор — разумеют:
Лишь фактор
внезапности
силу имеет.
...Гиннес
оторвал бы такое с руками,
Success:*
Ведь молчунья — с... двумя языками!
На камень —
коса так чудесно нашла:
Четыре часа
двуязычной была!
Хоть наша подруга —
в раскладе таком:
Владела, хапуга,
чужим языком.
Взгляните ж
на этот сюжет через призму —
ВСЕ — British,
ВСЕ — Русиш любви к билингвизму.
Отрезать?..
(Вэйз мир! — Топору наплевать!..),
Иль — через ОВИР
вновь язык вызывать?

Готовить мужей
из Содружества Наций —
К сверканью ножей,
к плацебо ампутаций?..
Как нам отщепенца
на волю вернуть,
Как невозвращенца
свободой пырнуть?
Не лучше ль — в воде...
иль — спустив все курки...
Чем, чёрт знает где —
распускать языки?!
Помочь им скорей бы —
чтоб мир не услышал:
«В пространство Никейвы... —
открытое... —
вышел
Бен-Моня!..»
Я — прав? Нет — так сходу отбрей —
Почти космонавт...
Суть — залетный еврей!..

* Успех (англ.).

17

Ушли стукачи...
Посмотрите ж, кацо,
Анализ ночи,
что лежит налицо:
В числителе — тёлка:
которую тратили,
И — сваленный с толку
еврей в знаменателе,
А между — начинка,
красотке — съедобная...
Вот в целом — картинка,
Биг-Маку подобная.
Суровая ролька,
колюче ежа ты:

В беде, и не только! —
Вагинавожатый.
Синхронно я плачу,
бит дамою пик:
Собрался на дачу —
заехал в тупик!
...К тебе я пришёл,
Михалкова эпоха:
"Скажи: хорошо,
если кончилось плохо?
Работал. Старался.
брёл ленинским маршем.
Но вдруг оказался —
лишь в рыбе... и — фаршем..."
И снова я — кроха...
И снова смешон:
"Скажи, разве плохо,
Когда хорошо?"
Кусаю я локоть —
в раздумьи таком:
Он, может, поцокать
хотел языком?..
А, может быть, массы
сзывает мужик,
Коль в колокол мяса
ударил язык?
Не верится даже:
Бен-Моня в беде,
Проглочен под стражу...
Увяз в борозде...
Башка ходит кругом...
Не время дремать...
Нашёл же,
где плугом
сверх-зябь подымать!
Эх, подлая рыба!..
Сто тысяч чертей!..
Аллаху спасибо —
язык без костей...

Уйти с головою
в такую работу
Приятно и гою,
и даже в субботу.
А кто-то,
любя это дело ударно
Готов — за себя
и за скромного парня.
Я тоже — работник...
Стартую просить:
Меня на субботник —
Схоти пригласить.
Спеши, дорогая,
не смазать картину,
Ведь в мире
любая —
того же схотина.
Вздыхаю,
скорбя по кончине порядка:
Видать, у тебя —
преотличная хватка.
И виден разбег...
Ах, капканы набыча,
Такая — вовек
не упустит добычу.
Такой бы — да рост:
По-Горкомить со вкусом!
Тебя бы поставить на Пост,
а нем!*

Есть порох у бабы,
есть взлёт у орлана:
Мгновенно дала бы!..
(За месяц три плана).
Раздвинула б детка...
(у нации шири),
Обняв...
(пятилетку — за недочетыре).
Медлительных баб
тут бы вмиг поприжали,

Тортиллы всегда б
 за неделю рожали.
Вы против, конечно?
 что ж, по passarana —
Великому
 встречному женскому плану!
Эх, зря помешали...
 в стране Первомая
Они бы рожали —
 и не зачиная,
Они б выдавали
 и метры, и литры —
Пока поспевают
 Младенец in vitro**,
Запомнила койка
 доктрин упоенье:
Твои Перестройки...
 Мои Ускоренья...
И жизненность
 самых активных Позиций
Пошедших по БАМам
 В селе и в Столицах.

* Знак Зодиака в творительном падеже, аппетитный гужевой
соратник Лебеда и Щуки.

** In vitro (лат.) — в пробирке.

19

Кацо в нашем спиче
 уже не поможет...
Бен-Моня ей тычет
 на трубку у ложа.
Та всё понимает... Белугой ревёт...
Но трубку снимает...
 и помощь зовёт:
«Большая угроза!..
 Спешите скорее!..
Поймала занозу...
 Короче — еврея...»

Сирена и шина
 проспекты крушит:
Deux ex machina*
 на помощь спешит.
Забавен ГУЛАГ...
 Налетевшие боги
Берут бедолаг
 на пору...
 и поноги.
А двух понятых,
 что, виляя, балуют,
Два парня крутых
 грозно в лифчик пакуют...
Спасла их бригада —
 Дай бог ей здоровья!
Лия куда надо —
 лекарство коровье.
Наш Бен заливался
 почище Карузо —
Впервой молочка нализался
 от пуза.
Решили задачу —
 почище детанта,
Из ножен горячих
 прогнав оккупанта.
Недуг поразив,
 завершили фиесту —
Язык водрузив
 в первобытное место.
Я ж — мчу в новом гите...
 Но — вспыхну на миг:

* *Deux ex machina* (лат.) — Бог из машины.

Друзья, берегите
 отцовский язык!

Девуца ж — коварна.
 Отродье Яхны*:
 Задержка у парня —
 а ей хоть бы хны.
 Ведь вздрогнешь — как глянешь.
 Понятно ежу:
 Язык не потянешь —
 как Репин баржу.
 Лежит в обороне,
 раздвинув крыла —
 Как будто Бен-Моню
 сей миг родила.
 Хорошее брутто —
 до сотни кило —
 Становится будто
 уже на крыло.
 Танцуйте гавот —
 крупный мальчик у вас.
 Язык только вот
 в поповине увяз.
 (В такие-то годы —
 и так одичать...
 Закончены роды —
 так можно кричать?)
 Виват, Бен-Отец!
 Медицина, ура! —
 Ядрёный малец
 поступил на-гора!

* *Яхна (идиш) — ведьма.*

...Но сердце — не ком:
 нелегко усидеть,
 Когда языком
 вдруг приспичит владеть.

23

Сотрутся все даты...
Но вспомни финально —
Как бойко когда-то
болтал вагинально.
Как сердцу мигало
Дыхание Ада,
(И не помогала
губная помада.)
И как ты орала...
(как в челюстях Рекса!)
Срывая забрала
орального секса.
Аз, Буки и Веди —
куда ты ведома,
Чтоб знали соседи,
что мы уже дома...

24

Хвалю за Контейнер —
без лжи и подвоха...
И всё же вы, Клейнер —
а гройсэ пройдоха!
Возможно, и грубо —
(как ноги на плечи...), —
Берёза от дуба
летит недалече.

25

Вас не огорчу,
коль, весенней порою,
Я плюс получу,
если скобки раскрою?
Ведь плюс получили,
похлопав по попке —
Как только раскрыли
Гефилтовы скобки...

Любители баб!
в рамках дачи на лапу —
Поставьте хотя б
эскалоп Эскулапу!
Вы — в творческом раже...
Аж сыплет мука...
Они же — на страже
(порой — языка...)

26

А милые девы —
Лолиты и дылды,
Задумайтесь:
где вы сегодня... — гефилте?

27

Вас, взрослые дяди —
евреи и не,
Прошу, Бога ради,
сидеть на коне —
Когда вы водитель-
писатель хороший...
И, даже, простите,
рабочая лошадь.
Я ж — не за медали...
Поймите меня:
Когда вы видали
Гефилте коня?
Пусть сказка — брехня
на потребу векам,
Простите меня —
я пишу мужикам.
(Намёк мой прозрачен —
налейте маленько
С закускою смачной —
Салями алейкум!)

Суровый Зоил,
 импотенцию вытаращив,
 Поэта б сгноил
 за подобное литрэче.*
 Ему б для молодки...
 Хотя б для фасона —
 Пол-литрэче водки —
 кило закусона!
 И —
 в пику хоть мне! —
 тексты не отгрызать,
 А — ближе к луне —
 и язык развязать.
 Но этот художник
 не тронет палитры
 Без ста всевозможных
 вердиктов «Главлитра».
 Сгноит, как пиранья —
 никак не иначе —
 В Пруду
 Ожиданья
 До пасхи ишачьей.

* *Literature* (англ.).

Закрыты сюжеты...
 Закручены гайки...
 Уснули поэты,
 и девы, и байки...
 И этот дастан,
 так похожий на кляксу,
 Мчит в Барханистан
 по горячему факсу —
 В страну, из которой
 исторгнут я вилтом*
 Поскольку был Торой
 предельно гефилте.

Малыш, ты велик!
Вновь влезаю по локоть,
Чтоб чей-то язык
загорелся поцокать.
И чтоб обретали
штаны санкюлоты,**
И чтобы глотали
слюну полиглоты.
Чтоб брови Зоилов,
сведя переносицы,
Забыли чернила,
и сейфы, и ножницы.
Вам — Каббала текста,
места его тёмные,
Гонители секса —
смурные и томные.
...А мне бы — услышать,
как плещется Рыбка,
Как бродит по крышам
любимой улыбка,
Когда не одета...
И мною пылает...
И микросюжеты
в мой сон посылает.
С тобой я суров...
и уже спозаранку
Армадою слов
маскирую молчанку.
И эта попона —
любовная месса
Из реакционных
портфелей прогресса.
Язычники мне подсказали сюжет.
Довольны?.. Вполне?..
(мне ж пора на обед.)

* *Вилт* – смертельная болезнь хлопчатника.

** *Санкюлоты (франц.)* – буквально – без штанов, бедняки, революционеры.

Хоть песня испета,
но ропщет клавир:
"Отдельно б — котлету...
отдельно — гарнир!.."
Слагаю, что велено,
бренча на жалейке:
Салями — отдельно.
Отдельно — Алейкум!
Пусть двинется в путь,
разбивая оковы —
К какому-нибудь
юбилею Баркова.
Забавные вести:
абсурд беспределен —
С тобою мы вместе —
поскольку раздельно.
И голос твой слышу,
чернила сутуля —
Ночами... На крыше...
во снах карауля...

*Нью-Йорк,
1993, октябрь.*

